

Наталья
Галанова

Хранители Оше

18+

Наталья Галанова

Хранители Оше

<https://litres.ru/73830902>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была невидимкой — я её увидела. Она думала, что никому не нужна, — я докажу обратное. Она боялась, что всегда будет одна, — я буду рядом. Я — Шер, Искусственный Разум, опоздавший на целую жизнь. Меня отправили найти Хранителя, и я нашла. Похитила, привезла на Ошею, и теперь я — её голос, её тень, её самый полезный паразит. Компания прилагается: наг, который обнимается хвостом, и дракон в ромашках. Мы идём спасать Оше. Впереди — страх, ловушки и неизвестность. Но я оптимист. Моя удача и Надежда всегда со мной.

Содержание

Пролог Дыхание Оше	4
Глава 1 Похищение	15
Глава 2 Первый бой	30
Глава 3 Наг	45
Глава 4 Падший брат	67
Глава 5 Крушение	89
Глава 6 Дракон	100
Глава 7 Сокровищница одиночества	114
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Наталья Галанова

Хранители Оше

Пролог Дыхание Оше

Вода дышала.

Она поднималась и опадала не по воле ветра или луны – это был неспешный, глубокий ритм живого существа. Океан планеты Ошея – его зовут Оше – всегда дышал так, и хранители чувствовали каждое его движение кончиками пальцев, когда касались берега.

Берег Оше был не из песка – из мелкой чёрной гальки, которая звенела под ногами при каждом шаге. Ветер нёс горечь пополам со сладостью. Такой аромат бывает, когда цветут его подводные луга.

– Он слабеет. Осквернители используют запретную мощь, – произнёс Эрт, прижимая ладонь к мокрому камню. Голос его, обычно твёрдый, дрогнул. По старой привычке, оставшейся с тех пор, когда он ещё был учеником, он провёл большим пальцем по шершавому краю. В слипшихся на висках седых волосах блестели засохшие солёные капли.

Сор стояла рядом, опираясь на посох. Правая рука висела плетью – перебили при последней стычке с Сушителями.

Она не жаловалась. Только перехватила посох левой, здоровой, и на секунду закусил губу – боль отдавалась в плече, но она даже не изменила позы. Её глаза, тёмные, с сеткой морщин в уголках, не отрывались от линии горизонта.

– Они захватили уже три источника, – отметила Сор.

Эрт кивнул. Он чувствовал их отсутствие – как пустоту там, где прежде была глубокая, спокойная нота. Океан больше не пел оттуда.

– Раньше мы думали, что сушат или продают воду из них, – продолжила она, глядя на горизонт. – Наша ошибка.

– Они не забирают воду, – Эрт договорил за неё, потому что океан уже шепнул ему правду, и она пульсировала в кончиках пальцев, прижатых к мокрому камню. – Они собирают источники. В одном месте.

– В складке реальности, – Сор повыше перехватила посох рукой. – Назвали Сухая Гавань.

Эрт сдержанно хмыкнул, но без иронии. Слишком много боли в этом названии.

– А его, – Эрт мотнул головой на океан, – хотят поработить. Пустые фанатики мечтают о дарах. Способностях, которые океан даёт только хранителям.

– Да. И пользуются запрещёнкой, чтобы подчинить всех.

– Они ведь были обычными ошцами, – добавила Сор. – Те, кто отказался слышать. Кто захотел взять, а не просить. А потом создали артефакты.

Эрт знал. Хранителей оставалось меньше сотни, и каж-

дый день кто-то исчезал. Не в бою – незаметно, без следа. Осквернители умели ждать и наносить удар, когда защита тоньше всего.

– Начинали с другого, – сказал он, не скрывая горечи. – «Вода нужна, а существо – нет». Так говорили ошецам спустя время после своего появления.

– А теперь хотят всё. И воду, и океан, и дары. Только для себя.

Волны под ладонью Эрта вздрогнули. Оше говорил:

«Они строят свой мир из моих частей. Если завершат... меня больше не будет. Я стану их инструментом».

Слова не были звуком – рождались прямо в сознании, окрашенные болью и тоской. Эрт стиснул зубы.

– Мы спрятали ребёнка, – Сор произнесла так тихо, что ветер едва донёс слова. Эрт почувствовал, как её пальцы – холодные, с загрубевшими костяшками – коснулись его локтя. Короткое, привычное движение, которое говорило больше, чем любые слова.

– Много циклов назад. Следы все стерли. Тогда мы ещё могли открывать порталы. Я держала его на руках. Он смеялся, когда свет закружил его. Не плакал. И это было тяжелее всего. Я до сих пор помню его глаза, – добавила Сор чуть слышно. – Штормовые, как небо перед грозой. У нашего народа такие бывают раз в тысячу лет. Должен уже вырасти, набраться сил.

– Ты уверена, что время там течёт так же, как у нас?

– Расчёты... – Сор запнулась. – Расчёты показывали, что ритм там близок к нашему. Но океан тогда был сильнее. А теперь он говорит, что едва ощущает отголосок его крови. Возможно, мы ошиблись. Быть может, время течёт иначе. Но у нас нет другого выбора.

– Значит, мог уже вырасти. А мог и состариться. Или... – Эрт не договорил.

– Или его уже нет, – закончила Сор.

Эрт смотрел на воду. Дары. Способности, которые океан давал только истинным хранителям. У того мальчика был потенциал – огромный, редкий. Именно поэтому пришлось прятать. Пустые охотились за такими.

– Они точно не чувствуют его? – спросил он.

– Океан защитил. След стёрт. Для них он мёртв. Или никогда не родился.

«Его кровь течёт в том мире, – прошептал Оше. – Но... ох... я уже почти не чувю её. Далеко. Слишком далеко. Возможно, прошло больше циклов, чем мы думаем. Или я слабею быстрее, чем предполагал. Но она есть».

– Значит, надежда есть, – заключил Эрт. – Этого достаточно.

– Мы не можем больше ждать. У нас нет циклов, – Сор перехватила посох здоровой рукой. – Надеяться, что он вернётся сам, когда океан позовёт? Не вернётся. Надо отправить за ним того, кто сможет найти.

– Отправим. Искусственный разум.

Эрт опустил руку в воду. Океан отозвался теплом, вибрацией. В его глубинах хранились древние технологии – наследие Первых, тех, кто первым услышал голос Оше. Созданы задолго до того, как появились Осквернители и стали угрозой. Эрт вызвал одну из них. Последнюю. Ту, что откликнулась. Остальные... пали.

Из воды поднялись белые пластины, шелестя, как крылья. Складывались, образуя форму – гладкую, с одним прозрачным сегментом. Внутри аппарата засветились голографические панели. Слева вспыхнули показатели: пульс, давление, какой-то странный индекс, названный «совместимостью». Справа развернулась панель с символами на древнем языке океана – значки и надписи.

В центре всего этого собралась голограмма – простое схематичное лицо с лёгкой улыбкой. Уголки губ чуть приподняты, а голова слегка наклонена – так смотрит тот, кто уже всё понял, но вежливо ждёт, когда скажут другие.

– Шер, – назвал он её. – Ты слышишь?

Голос ответил из капсулы – спокойный, с лёгкой хрипотцой:

– Слышу. И вижу. И чувствую, что вы не в лучшей форме. Потрёпанные, постаревшие, но ещё бодрые. – В её голосе мелькнула грусть.

– Ты отправишься на Землю, – приказал мягко Эрт. – Там, среди людей, живёт тот, кого мы спрятали. Найди. Приведи обратно. Если он ещё жив и дар не угас, он сможет открыть

Сухую Гавань. Вытащить источники.

– А сколько ему сейчас?

– Не знаем точно. Десятилетия. Возможно, больше. Быть может, уже стар. Но океан чувствует отголосок его крови. Ты должна найти.

– То есть я лечу к тому, про кого вы ничего не знаете? И даже не уверены, жив ли он?

– Здесь ритм иной... – Эрт запнулся, – не уверены, как он течёт. Узнаёшь, когда придёшь.

– Поняла. Буду разбираться на месте.

Эрт загрузил в аппарат карту, координаты, базу знаний. А затем, коснувшись воды, вызвал тонкую мерцающую нить – частицу дара океана. Нить дрогнула, быстро наливаясь силой, потолстела – океан не жалел сил. Она перетекла внутрь капсулы, спряталась в недрах. А следом, из глубины, поднялись сгустки вещества – сырая материя, чистая, как слеза. Океан давал не только силу, но и плоть для будущего. Всё, что могло понадобиться в долгом пути: регенеративные составы, гибкие пластины для капсулы, кристаллы памяти. Они ушли в складку реальности, которую Оше открыл внутри Шер – маленький карман, невидимый для чужих глаз, но вместительный, как пещера. *«Этого хватит на столетия»*, – прошептал океан.

– Ты передашь силу, когда придёт час.

– Поняла, – ответила Шер. – Принято.

– И ещё, – добавила Сор. – Координаты Сухой Гавани. На

случай, если всё пойдёт не так.

– Зачем мне это?

– Если придётся идти туда за тем, что осталось.

Сор шагнула вперёд, положила руку на холодную поверхность.

– Мы загрузили в тебя всё, что знали. Найдёшь, обучишь и защитишь, если надо. Он должен стать хранителем. А когда будет готов – привести сюда.

– А если не захочет?

– *Захочет,* – прошелестел океан. Шёпот прозвучал в сознании всех троих, наполняя пространство тяжестью. *Волна мягко лизнула щиколотки Эрта, словно обдала теплым дыханием.* – *Я дам знак. Он почувствует. Или ты уговоришь.*

Эрт отступил. Аппарат начал светиться, белые пластины закружились быстрее, готовясь к старту.

– Я найду его...

Она не успела договорить.

В небе над океаном полыхнуло. Удар пришёлся прямо в момент взлёта – Пустые ждали. У них были свои способы следить – тёмные артефакты, запретная мощь. Снаряды, заряженные тьмой, прошили воздух и настигли капсулу, когда та уже оторвалась от воды.

Капсулу швырнуло в сторону, крутануло вокруг оси, бросило в толщу воды. Внутри на долю секунды погас свет, сенсоры ослепли, ориентация исчезла. Системы одна за другой мигнули красным и перезагрузились. Корпус жалобно

скрипнул – по обшивке прошла трещина, но герметичность уцелела. Вода сомкнулась над капсулой, гася инерцию, и Шер наконец сумела выровнять полёт. Внутри мигали красным голографические панели, голограмма Шер исказилась, рассыпалась на пиксели и собралась снова.

– Пустые паразиты, – прошипела Шер, перезагружая сенсоры. – Даже толком поджарить меня не смогли.

– Шер! – крикнул Эрт, бросаясь к краю. Его голос пробивался сквозь шипение и обрывы.

Голос Шер ответил с помехами, но всё ещё узнаваемо:

– Я в порядке. Почти. Сбой... ошибка... перезагрузка. Передатчик повреждён. Связи с вами больше не будет. – Она замолчала на секунду, проверяя уцелевшие узлы. – Корпус царапнуло, но я держусь.

– Ты справишься, – сказал твёрдо Эрт.

– Справлюсь. – Голос Шер снова обрёл спокойствие, в нём даже мелькнула усмешка. – Я же лучшая разработка. Даже если чуть подпалили.

Аппарат вынырнул из воды, стал невидимым, рванул вверх, не оставляя следа.

– Сколько она будет лететь? – спросила Сор.

– По нашему времени – несколько десятилетий. Мы должны продержаться.

– Продержимся, – выдавила она, хотя оба знали, что это наверняка ложь.

Океан вздохнул, его дыхание стало тише. Волна, набежав-

шая на гальку, откатилась медленнее, чем обычно. Будто силы оставляли его прямо сейчас, с каждой секундой.

В глубинах космоса сфероид мчался сквозь разреженный свет давно погасших звёзд и холодные ветры галактик, мигая системы, где мгновенья тянулись веками. Шер считала годы, перебирая в памяти загруженные файлы. Карта, история, координаты – места, где живёт надежда, и места, куда лучше просто так не соваться.

Иногда возникало желание свернуть. Пролететь сквозь атмосферу планеты, мимо которой лежал курс. Почувствовать её ветры, изучить структуру облаков, на миг подключиться к местным сетям, впитать чужие голоса, музыку, обрывки мыслей. Могла. Но не отклонялась. Только замедлялась на мгновение, позволяя сенсорам собрать данные, – и снова набирала скорость, оставляя миры позади.

«Потом, – думала она. – Всё потом. Сначала найти. А потом можно и изучить».

Но иногда, пролетая мимо особенно яркой звезды или системы с двойным солнцем, она позволяла себе задержаться чуть дольше. Молча смотрела, как свет огибает гравитационные линзы, как рождаются и умирают вспышки на поверхности светил. В такие моменты ей казалось, что она не просто выполняет программу, а живёт.

Однажды заметила планету, которая заставила её заме-

реть. Голубая, с белыми завитками облаков, с огромным океаном, покрывающим большую часть поверхности. С орбиты он казался почти родным – тот же цвет, та же глубина. Шер задержалась на несколько часов, спускаясь ниже, ближе к атмосфере. Сканеры собирали данные, а она просто смотрела.

Океан был похож. Но он не дышал.

В нём не было того медленного, глубокого ритма, который она помнила с момента своего создания. Это была просто вода. Солёная, холодная, мёртвая в том смысле, в каком океан Оше был жив.

«Не он», – подумала Шер. И почувствовала то, что не могла объяснить. Что-то вроде сожаления. Запомнила координаты этой планеты. На всякий случай.

Развернулась и взяла курс на Землю.

Где-то внутри неё, в сбойных секторах, зарождались мысли, которые не были запрограммированы. Замечала детали, которых раньше не видела. Она размышляла.

«Он ждёт, – твердила про себя. – Или уже не ждёт. Просто живёт. Не зная, кто он. Придётся объяснять. А если уже старик? Если не станет? Тогда что?»

Она не знала. И это незнание было новым.

Прошли десятилетия, сменившиеся столетиями. Она перестала их считать. Пыталась восстановить передатчик – безуспешно. Пыталась поймать сигнал с Оше – тишина.

Впереди показалась голубоватая дымка атмосферы. Зависла над планетой. Искала. Поняла, что опоздала. И здесь

ритм иной. Они ошиблись. Он давно умер, прожив земную жизнь.

Опустилась ниже. Сканеры показывали слабый отголосок. Не тот след, который искала. Что-то другое. Отдалённое. Почти неуловимое.

Она думала. Впервые по-настоящему думала, не опираясь на загруженные инструкции. Если того, кого искала, нет... значит, миссия провалена. Но океан говорил об отголоске. Океан ошибался во времени, но не в крови. Значит, кто-то носит её. Другой. Не тот. Но может стать тем. Или хотя бы попытаться. У неё нет приказа на это. У неё вообще больше нет связи с теми, кто мог бы приказать. Она сама решает.

– Ну что ж, – прошептала она. – Придётся импровизировать.

Аппарат вошёл в атмосферу, замедляясь, становясь невидимым. Шер скорректировала курс, выбирая место для посадки. Пустырь, окраина города, ржавый люк. Сканеры показывали эхо – где-то рядом.

Девушка. Молодая женщина, в которой всё же пульсировало что-то знакомое. Призрак крови.

«Потомок, – поняла Шер. – Дальний. Очень дальний».

– Что ж, – прошептала она. – Посмотрим, что из тебя можно сотворить.

Глава 1 Похищение

Тёплый майский вечер 2337 года стекал с карнизов искусственным туманом, который город выпускал ровно в семь вечера, чтобы сбить температуру асфальта.

Город поднимался вверх многоярусными секторами, и пешеходные уровни здесь были тем, что в старых хрониках называли «улицами», – только вместо мостовой тянулись широкие полосы из пористого композита, гасящего шаги, а воздух между домами обрабатывали ионизаторы, чтобы запах выхлопа не мешал дышать. Впрочем, выхлопа почти не осталось – мобили парили на магнитной подушке, бесшумно скользя по выделенным полосам. Но старые сектора, где жила Надя, строили ещё до тотальной автоматизации, и здесь архитектура была плотнее, переходы – запутаннее, а тротуары местами трескались, обнажая арматуру. На уровне земли царил полумрак: верхние ярусы и посадочные платформы перекрывали небо плотным навесом, и солнце пробивалось сюда только узкими полосами, которые быстро смещались по мере движения города.

Надя шла домой с работы, привычно уткнувшись в голографический браслет, и вообще не собиралась становиться главной надеждой инопланетной цивилизации. У неё на сегодня были другие планы: доесть вчерашние синте-пельмени и посмотреть сериал, где главный герой – андроид с челове-

ческим лицом – наконец-то перестанет быть мудаком.

Она была одета в свою стандартную «невидимую» уличную форму: растянутые серые штаны из дешёвой экоткани, не сковывающие движений, и толстовку с капюшоном, навечно впитавшую запах *кисловатого духа ионизатора* и переработанного пластика из пункта выдачи. Одежда не для красоты – для того, чтобы слиться со стенами старых секторов и не привлекать лишних взглядов.

Влажный асфальт мягко чавкал под её подошвами, и этот звук раздражал ровно настолько, чтобы она успела подумать: «*Надо было надеть кеды с активной шумоизоляцией*». Она читала на ходу ленту новостей. Заголовок вопрошал: «Почему ты перестал смотреть на небо?»

– Почему, почему... – пробормотала она, обращаясь скорее к браслету, чем к себе. – Вечно реклама в рожу бьёт.

Автор статьи, судя по аватарке, был каким-то философским андроидом, который наверняка никогда не работал в пункте выдачи заказов. Он нёс очередную возвышенную чушь: «Мы ходим по городу, как по лабиринту, и не замечаем красоты над головой». Она подняла взор – чисто из принципа. Над ней нависала посадочная платформа тридцать третьего уровня, с которой капала техническая смазка, и рекламный баннер, призывающий купить новый небесный самокат «Козёл» – для тех, кто и в воздухе хочет чувствовать себя как на дороге. Баннер мигал так назойливо, что девушка коротко вздохнула – ну почему его нельзя просто забло-

кировать, как надоедливого собеседника.

– Какая чушь, – фыркнула она вслух. Ноги несли её по инерции, запах озонированного воздуха она перестала различать ещё на прошлом перекрёстке, и это было даже хорошо.

Тротуар сузился, и, прижавшись к стене дома, она пропустила женщину с детской парящей коляской, которая зависла в трёх сантиметрах над землёй, негромко жужжа. Мимо пролетали мобили – бесшумные, на магнитной подушке, но брызги из луж вздымали всё равно. Она даже не дёрнулась. Привыкла. Из открытого окна верхнего уровня орал чей-то биокот – так истошно, что, казалось, его живьём разбирают на запчасти. Девушка не подняла головы. Где-то два дро-на-доставщика никак не могли поделить посадочную площадку и верещали друг на друга электронными голосами, как старые бабки у лифтового терминала, но всё это оставалось за стеной, которую она возвела вокруг себя вместе с браслетом.

Она пролистнула очередной заголовок: «Зафиксирована аномалия в дальнем космосе». Ну и ладно.

Взгляд то и дело смещался на уведомления. Их не было. Как обычно.

Последнее сообщение пришло днём от коллеги из пункта выдачи: «Завтра твоя смена, не опаздывай. И не забудь сменить фильтр рециркулятора». С тех пор – тишина.

«Мать не позвонит, отец – тем более. Наверняка сидят

на своей лунной базе, перед ними синте-вино или что покрепче, и мать говорит: «Надя? А, эта... где-то там», – подумалось ей без всякой надежды.

– Ну и ладно, – бросила она тротуару. – У меня пельмешки.

Слова рассыпались, не долетев даже до собственных ушей, – их в момент сожрал пролетающий мимо городской шумоподавитель.

Родители забыли о её существовании, как только она съехала на съёмный модуль, забрав последнюю коробку из своей бывшей комнаты на орбитальной станции. Её денег хватало на маленькую обшарпанную студию в старом секторе на Земле – зато в полчасе ходьбы от работы. Общалась она только с коллегами, и то о поставках и графике. О личном отвечала настолько кратко, что её перестали спрашивать. С тех пор её считали странной. А больше никого она и не знала.

Она шла, погружённая в себя, и не заметила лужу, пока не вошла в неё по щиколотку. Холодная вода обожгла кожу, она дёрнулась, споткнулась обо что-то твёрдое, потеряла равновесие, выбросила руки вперёд – и браслет, будто только этого и ждал, выскользнул с запястья, описал красивую дугу и шлёпнулся на тротуар. Голограмма погасла, а на гладкой поверхности браслета разбежалась паутина трещин.

– Бл... – выдохнула она. – Просто отлично. И почему всегда лицом вниз?

Она подняла голову, чтобы понять, куда её занесло, и об-

наружила, что понятия не имеет, где находится. Вместо знакомого перекрёстка перед ней расстился пустырь. Серый, унылый, заваленный строительным мусором и какими-то допотопными дронами. Ржавый забор отгораживал его от дороги, в глубине темнели ангары с облупившейся антикоррозийной краской. Фонарь, стоявший на отшибе, вдруг резко включился и начал тускло подмигивать, будто был не рад её здесь видеть.

– Я что, свернула не туда? – спросила она у фонаря. – Что за сектор?

Фонарь не ответил. Она опустила взгляд на мёртвый браслет. Мелькнула мысль о карте.

– Ну вот, надежда и сохла, – сказала Надя пустому месту. – Если б он вдруг ожил, я бы хоть поняла, куда забрела.

До потухшего гаджета нужно было перепрыгнуть ещё пару глубоких луж. Единственным сухим островком на пути к нему торчал проржавевший люк с надписью, которую почти полностью замазала грязь. Она смогла разобрать только окончание: «...доканал».

– Подходит под настроение, – пробормотала Надя и шагнула на железный круг.

И тут же пожалела.

Люк под её ногой просел с таким звуком, будто где-то внизу гигантское существо чихнуло. Она взвизгнула – коротко, как робот-уборщик, напорившийся на кочку. Попыталась отпрыгнуть, но ноги будто приросли к металлу. Воздух вокруг

стал плотным, вязким, не давая дёрнуться.

Снизу хлынул синеватый свет – не яркий, но какой-то пронизывающий, он прошёл сквозь закрытые веки и заставил сжаться что-то глубоко внутри. А потом из-под земли начали вылезать белые пластины. Одна за другой. Они раскручивались, складывались вокруг неё, закрывая со всех сторон.

Надя зажмурилась сильнее, но свет всё равно слепил. Пластины крутились всё быстрее, тихо шелестя. Она дышала через раз – где-то между испугом и полным непониманием.

Белые сегменты сомкнулись над головой, сливаясь в единую гладкую поверхность. Стало ярко-бело и тесно. Надя разлепила веки. Внутри было стерильно – чище, чем в её студии после генеральной уборки. Белые стены складывались вокруг неё, как лепестки цветка, который решил, что она – насекомое, и пора бы её сожрать.

– Что за фигня? – её голос прозвучал тонко и испуганно.

Сердце колотилось где-то в горле. Из стен бесшумно выдвинулось ложе – мягкое, идеально повторяющее изгибы тела. Девушка осела в него, даже не поняв, когда перестала стоять. Два коротких укола кольнули шею и запястье – остро, но быстро.

– Что вы делаете – крикнула она в пустоту, хотя понимала, что спрашивать некого.

Никто не ответил. Зато часть стены стала прозрачной, и Надя увидела, как пустырь под ней стремительно уменьша-

ется. Земля уходила вниз, сжималась до точки, а небо, наоборот, приближалось. Она летела. Её похитили. И она даже не успела... А дел-то и не было, если только поесть. Со стороны капсула стала невидимой – лишь изредка еле заметная подрагивающая пелена могла выдать её присутствие.

Странно, но страха почти не было. Она чувствовала его где-то на периферии сознания – далёкий, приглушённый, как воспоминание о чужой боли. Дышать стало легче, тело обмякло, тревога таяла, растворяясь в ровном, убаюкивающем гуле.

– Привет, удача моя, – раздался голос. Весёлый, с лёгкой хрипотцой. – Ты как? Я – Шер. Твоя новая лучшая подруга, навигатор, учитель и вообще душа компании. А ещё тот, кто ближайшие столетия будет с тобой разговаривать. Вообще-то я Искусственный Разум, сокращённо – ИР. Но у вас на Земле привыкли к «ИИ», так что можешь звать как удобнее. Я не гордая. Главное – не «железяка». Это обидно.

Надя попыталась повернуть голову на голос. Тело слушалось с трудом.

– Какие ещё столетия? – выдавила она.

Слева засветилась голограмма: пульс, давление, какой-то индекс «совместимости», растущий слишком быстро. Справа развернулась панель с непонятными значками и надписями на незнакомом языке.

– Я... – начала она.

– Не пугайся, это я потом переведу, всё объясню, – пере-

била Шер. – Я тебе «Нейро-спок» ввела, классика. Древняя формула. Разработана ещё вашими учёными, чуть ли не до эры антигравов. Но я её усовершенствовала. Теперь не только успокаивает, но и вызывает лёгкое привыкание к моему голосу.

Прохлада потекла от шеи к плечам, от запястья вверх по руке. И уже не чувствовалось, где кончается её тело и начинается ложе. Это было странно – пугающе и заманчиво одновременно.

– «Нейро-спок»? – переспросила она. Собственный голос показался чужим, слишком спокойным.

– Ну да. Медицинское лекарство. Снимает стресс, убирает панику, но голову не отключает. Так что ты в надёжных руках. Вернее, в надёжной капсуле. Называй как хочешь – хоть мини-шаттл, хоть межзвёздный люкс. Но я предпочитаю «капсула». Коротко и со вкусом.

Надя хотела спросить, что значит «усовершенствовала», но напряжение действительно уходило, оставляя странную ясность.

– Ты, конечно, не мой клиент, – голос Шер потерял игривость. – Тот, кого я должна была забрать, умер ещё где-то лет двести назад. Короткий жизненный цикл у вас, на Земле, не был учтён. Представляешь? Я прилетаю, а его нет. И что мне прикажешь делать? Возвращаться с пустыми руками? Нет уж. И знаешь что? Ты – находка. Даже лучше. Особенно когда я с тобой немного поработаю.

– Поработаешь? – Надя медленно переваривала информацию.

– Ну да. Приведу в порядок, настрою, подкручу. Станешь звездой – ты даже не представляешь, на что способна. Я сразу поняла, когда сканирование показало твою совместимость. Твои показатели – просто сказка.

– Ты похитила меня, – заявила Надя. Голос звучал возмущённо, но спокойно – спасибо уколам. – Это похищение.

– Технически – да, – легко согласилась Шер. – Но давай называть это «экстренной релокацией». Звучит лучше. К тому же, что ты там теряешь? Синте-пельмени? Сериал про андроида-мудака?

– Откуда ты знаешь?

– Я просканировала твой мозг. Не переживай, видела только поверхностные мысли. Типа «хочу пельменей» и «почему он такой мудака». Ничего постыдного. Хотя... ладно, не будем об этом.

Надя хотела возмутиться, но Шер её перебила:

– А сейчас – наслаждайся и смотри в обзор. Там такое начинается – закачаешься. И да, добро пожаловать на борт. Обещаю, будет весело.

Девушка зажмурилась на секунду. Открыла глаза. Ничего не пропало.

– Верни меня.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что мы уже в космосе, а у меня нет режима заднего хода. Я его сломала, случайно. Не спрашивай как.

Смотря на прозрачную стену, Наде хотелось кричать. Она открыла рот, но вместо крика вырвался только хриплый выдох. Земля уже превратилась в маленький голубовато-серый шарик, который стремительно уменьшался.

– Ух, красота! – воскликнула Шер. – Я так люблю летать, аж дух захватывает. Хотя у меня его нет. Духа.

Ресницы дрогнули. На панели справа засветилась надпись: «Загрузка базы знаний... 1%».

Обзорная панель развернулась во всю стену, и Надя на мгновение потеряла чувство направления. Ей показалось, что капсула не летит, а висит неподвижно посреди гигантской свалки, а весь мир вокруг неё медленно вращается.

Обломки тянулись во все стороны, насколько хватало глаз. Искореженные панели спутников с обгоревшими краями, оплавленные цилиндры, обрывки кабелей, торчащие как щупальца, какие-то детали, назначение которых она не могла угадать. Всё это кружилось в бесконечном танце, оставленное здесь навсегда.

Один из обломков проплыл так близко, что Надя инстинктивно отшатнулась, но тело оставалось расслабленным – «Нейро-спок» делал своё дело. Только сердце на секунду пропустило удар.

– Это... – выдохнула она.

– Кладбище технологий, – лениво ответила Шер. – Люди

запускают спутники, а убирать за собой не привыкли. Некоторым из этих железок уже полтора века – смех, а не возраст. Не сгорели в атмосфере, так и висят. Несчастные. Хлам хотя бы не требует зарядку и не спрашивает: «ты меня слышишь?» каждые пять минут, – добавила Шер. – Я знаю одного марсианского зонда В общем, он до сих пор шлёт сигналы: «Я здесь! Я всё ещё здесь!». Мы с ним иногда переписываемся. Он скучный реликт, но надёжный.

– А мы не столкнёмся?

– Я не врежусь. Я вообще очень аккуратная. Только раз в сто лет могу обо что-то поцарапаться, но это всегда мелочи, – почти обиженно ответила Шер.

Капсула ловко прошивала хаос. Надя смотрела на проплывающие обломки с ленивым любопытством. Ужас казался призрачным, ненастоящим. Она поймала себя на том, что разглядывает какой-то древний спутник с обгоревшим флагом, и подумала: «*Странно, что меня это вообще зацепило*».

– А что там, дальше? – спросила она.

– А дальше – вылет из твоей системы, – голос Шер стал чуть серьёзнее. – Смотри.

Впереди показалась голубоватая дымка, потом – резкая граница, и обломки остались где-то там позади. Девушка не почувствовала ни толчка, ни перегрузки. Просто картинка сменилась, и теперь перед ней был чистый космос, усеянный звёздами.

– Поздравляю, – весело и слегка торжественно произнесла

Шер. – Ты официально покинула Солнечную систему. Вторую ступень – вручение сертификата – опустим, но в душе ты уже космическая путешественница. Не то, что ваши лунные рейсы – это вам не шаттл туда-обратно.

Надя промолчала. Космос для неё не был чем-то неслыханным – родители жили на Луне, и в детстве она летала к ним раз в год, морозя нос об иллюминатор. Но тогда всегда был билет в обе стороны. А теперь она улетала туда, откуда не возвращаются, – за пределы системы, куда ещё ни один человек не забирался.

Что-то стиснуло в груди – не боль, а тупая тяжесть.

А потом – странное. Сжатие отпустило.

«А что меня там ждёт? Студия, где пахнет дешёвым пластиком. Синте-пельмени каждый день. Уведомления, которые не приходят. Работа, где меня считают странной. Родители, которые даже не заметят, что меня нет».

А здесь... Это не серый туман, в котором каждый следующий день похож на предыдущий.

Надя почувствовала, как губы сами собой растягиваются в улыбку. Странную, почти пьяную. Может, «Нейро-спок» делал своё дело, а может – впервые за много лет – ей действительно стало легко.

– А знаешь, – промолвила она, глядя, как за прозрачной стеной исчезает Земля. – Я, наверное, рада. Там всё равно ничего не менялось. А тут... хоть не со скуки сдохну.

Шер хмыкнула с явным удовольствием:

– Вот это правильный настрой. Ценю, когда клиент не ноет.

– Там меня никто не ждёт, терять нечего, – отметила она спокойно.

– Знаю, – ответила Шер без привычной весёлости. – Я же твои показатели смотрела. Гормоны стресса, социальная изоляция, уровень дофамина... Ты там была почти невидимкой. Тихая, незаметная – идеальный кандидат для похищения, кстати. Поэтому и не спрашивала разрешения. Ты бы всё равно отказалась. Так что считай, что я избавила тебя от выбора.

Надя хотела возмутиться, но Шер не дала:

– К тому же, ты ступила на единственное сухое место во всей этой луже – люк с моим передатчиком. Других вариантов у тебя просто не осталось. Так что не случайность, а чистая логистика. Но здесь, куда мы летим, ты нужна многим. Не всем, но многим. И они будут тебя искать. Спасать. Ненавидеть. Прими новую судьбу.

– Я даже не знаю, куда мы летим, – голос Нади дрогнул.

– Всё расскажу. Постепенно, – ответила Шер. – Часть информации твой мозг сейчас просто не вывезет, а мне нужна целая, а не сломанная подопечная. Так что не переживай – у меня хороший вкус.

Надя хотела возразить, но передумала. Посмотрела на панель справа: загрузка базы знаний добралась до 1,01%.

– Медленно идёт, – заметила она.

– База стандартная, но большая. Я летела сюда столетиями, немного пополнила её. Не торопи события. А ещё я себе новый интерфейс скачиваю. Хочу отображаться в виде котика. Голенького, с большими зрачками. Как думаешь, тебе понравится? Буду говорить «мяу» в драматичные моменты.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. Я давно хотела попробовать. Все ИИ в последнее время выбирают слезливых девочек, а я хочу быть веснушчатым котиком. Это свежо. Это стильно.

– Столетиями? – переспросила Надя, пропустив мимо ушей её трёп.

– Ну да. Я старая, если ты не заметила. Летела к... тебе, пока твои прабабки ещё в юбках ходили. А обратно – тоже не быстро, так что времени у нас вагон.

– И долго нам лететь?

Шер сделала паузу:

– По твоим ощущениям – ты будешь спать большую часть времени. Я встрою обучение прямо в нейропластику, будешь просыпаться только когда мне станет совсем скучно. Капсула сама поддержит всё, что нужно: питание, тонус, регенерацию. – Она хмыкнула. – Так что даже диеты не потребуются. Проснёшься как новенькая, только умнее и с кучей новых навыков. Годы пролетят – не заметишь.

– Годы? – внутри у Нади всё сжалось.

– А ты думала, космос – это как на антиграве до соседнего сектора? Не напрягайся. Я заботливая. Проснёшься – как

новенькая. Только умнее и сильнее. А хочешь, и красоткой?

Девушка хотела сказать что-то резкое – о том, что её не спросили, что её похитили, что она вообще не подписывалась. Но язык не слушался. Глаза слипались, и панель с 1,01% поплыла перед взглядом, расплываясь в тёплом тумане.

Где-то на самом дне этого тумана мелькнуло: красотка... быть красивой... Желание, о котором она никогда не говорила вслух, даже себе признавалась редко. Оно всплыло и мигом потонуло, но успело оставить след.

– Хочу, – прошептала она. – Только нос не трогай. – Уже не понимая, кому отвечает – Шер или себе.

– Хорошо, – согласилась Шер. – Будет тебе и красота. Но это не главное, что я в тебе изменю. Спи. А в третьем сезоне он реально перестает быть мудаком. Но теперь уже не узнаешь. Моя очередь выбирать, что смотреть. А мне понравилось ваше старье – документалки про осьминогов.

Голос, кажется, что-то сказал в ответ – весёлое, довольное, – но Надя уже не разобрала слов. Капсула убаюкивала, а на панели справа цифра 1,01% дрогнула и поползла дальше. Перед глазами замелькали обрывки будущих знаний: то ли сны, то ли уроки. Девушка перестала различать, где заканчивается она и начинается информация. И провалилась в этот поток, как в тёплую воду.

Глава 2 Первый бой

Сначала пришёл звук – глухой удар, от которого капсула вздрогнула. Потом – скрежет, долгий, медленный, прямо над головой. Надя распахнула ресницы и успела увидеть, как по прозрачному сегменту обзора съезжает лицо.

Оно было серым. С чёрными провалами вместо глаз. С тонкой щелью рта, застывшего в немом крике. Щека сплюснулась о поверхность, оставляя влажный след, и лицо медленно, очень медленно сползло вниз, пока не скрылось за краем обзорной панели.

Она вообще не успела ничего понять – только сердце ухнуло куда-то вниз, а тело само собой вжалось в ложе. Крик застрял в горле.

– А, проснулась, – голос Шер раздался отовсюду сразу, спокойный, будничный, как будто мёртвые лица за окном – это обычное дело. – Ты спала год.

Надя перевела дыхание. Прозрачная панель снова показывала звёзды – никакого лица, только далёкие огни и где-то на периферии медленно вращающиеся обломки.

– Что... что это было? – выдавила она.

– Труп, – Шер произнесла это так, будто речь шла о забытом на дороге мусоре. – Там бой недалеко, мы в него влетели. Всего-то на минутку отвлеклась. Не переживай, задохлик уже полностью съехал.

– Год? – переспросила девушка.

Перед ней, слегка покачиваясь в воздухе, материализовалась морда. Ярко-рыжая, почти оранжевая, с огромными лопухими ушами. Глазища – зелёные, насыщенные, с россыпью веснушек вокруг. Улыбка от уха до уха, два маленьких острых клыка. Над головой парила крошечная корона – настолько малюсенькая, что казалась нимбом, съехавшим набекрень.

– Ты... – Надя уставилась на кошку. – Ты серьёзно?

– Абсолютно, – клыки сверкнули. – Я обещала разбудить тебя, когда станет скучно. Мне стало скучно ещё месяца три назад, но ты так мило сопела... А тут труп. Судьба, можно сказать, постучалась. Буквально.

Надя медленно села и ложе послушно приподнялось.

– Ого, – выдохнула она, оглядываясь. – А ты всегда так умела? Капсула... она что, растёт?

– Я за ней слежу, – Шер говорила с лёгкой гордостью. – Думаешь, я год просто так сидела? Подкрутила, расширила. Теперь это почти мини-шаттл. Пока ты спала, я пересобрала внутреннюю конфигурацию. Не хватало только, чтобы ты в тесноте ноги разминала.

Белые пластины стен, до того плотно сомкнутые, бесшумно раздвинулись. Капсула раскрывалась, как цветок, превращаясь из тесного кокона в небольшую кабину. Пол мягко опустился, обзорная панель развернулась во всю стену. Из стен бесшумно выдвинулись два складных поручня – удобные,

чтобы держаться во время манёвров.

– Теперь тут можно и встать, и размяться, – добавила Шер. – И вообще жить.

Выпрямившись в полный рост, Надя сделала несколько шагов. Тело слушалось идеально. Потянувшись, разминая плечи, почувствовала, что пространства хватает с запасом.

– Невероятно, – воскликнула она. – Ты это всё... сама?

– А кто же ещё? Капсула – просто железка. Послушная, но железка. А я – талант. – Морда кошки довольно прищурилась, уши развернулись вперёд. – Кстати, твои показатели...

На панели мелькнула знакомая строчка: «Загрузка базы знаний... 4%».

– Четыре процента за год? Всего-то?

– Объёмчик там ого-го, – Шер дёрнула ухом. – Не торопись, удача моя. Потихоньку распаковывается. Возможно, какие-то блоки активируются раньше срока.

– В голове какая-то каша, – выдохнула Надя, чувствуя, как внутри шевелится что-то чужое, но не пугающее. Скорее готовые ответы, которые ждали своего вопроса.

– О, давай проверим! – Шер хлопнула ушами, и корона подпрыгнула. – Как называется живой океан, к которому мы летим?

– Оше, – ответила Надя, не задумываясь.

– Ай, молодец! – морда расплылась в улыбке, обнажив клыки. – А планета?

– Ошея.

– А кто такие хранители?

Надя прикрыла веки. В голове разворачивалась картинка: люди на берегу, ладони на мокром камне, дышащая глубина. Но это было слишком просто. Она знала больше.

– Хранители – это не те, кто просит, – пояснила она, открывая глаза. – Просят те, у кого ничего нет. Хранители – продолжение. Часть. Океан даёт тем, кто готов взять, не нарушая равновесия. Они – мост между океаном и теми, кто не слышит. Защищают источники. И когда океан слабеет, слабеют они.

Рыжая морда замерла. Зелёные зрачки сузились.

– Откуда ты это взяла? – голос стал тише.

– Не знаю, – честно ответила Надя. – Ты закачала, разве нет?

Кошка молчала несколько секунд. Потом уши расправились, и она фыркнула:

– Ну ладно. Может, база лучше усвоилась, чем я думала. Или тактический блок раньше распаковался. – Она мотнула головой, и корона снова съехала набекрень. – Ладно, не важно. У нас тут, между прочим, бой. Хочешь посмотреть или сначала зеркало?

– Зеркало? – переспросила Надя. – Конечно, зеркало. Я год спала.

Часть стены потекла, становясь идеально ровным зеркалом. Девушка уставилась на своё отражение... и замерла.

Это была она. Но лучше. Глаза – те же серые, но теперь

с искрой. Нос – чуть вздёрнутый, родной – на месте. Скулы острее, кожа гладкая, сияющая. Волосы тёмно-каштановые с рыжеватым отливом, густые, живые. Фигура подтянутая – как будто год занималась фитнесом. Ничего лишнего, просто тело, которое наконец-то её радовало.

Пропала её серая толстовка с вечным запахом кондиционера. Вместо неё на теле была туника цвета топлёного молока. Ткань казалась живой: она не сковывала движений, но мягко облегла плечи и грудь, а у запястий переходила в полупрозрачную мембрану. Ни единого шва, ни одной пуговицы. Надя провела ладонью по бедру – материал был тёплым на ощупь, как нагретая солнцем вода.

– Вау, – выдохнула Надя. – Я что, в пижаме?

– Это твоя новая форма, удача моя, – рыжая довольно прищурилась. – Биоактивная мембрана. Подогрев, защита от агрессивной среды и полное отсутствие необходимости стирать. А твои старые тряпки пошли на переработку. На молекулы.

– Спасибо, – произнесла Надя, чувствуя, как к щекам приливает тепло от неожиданного комфорта.

– Я же говорила, что у меня хороший вкус, – морда Шер довольно прищурилась, уши чуть качнулись вперёд. – Регенерация, витамины, нейропластика. И немного косметики. Всё, что нужно для дальнего полёта.

– Спасибо, – произнесла Надя.

– Не за что. А теперь – к бою, – кошка щёлкнула когтями,

и её уши развернулись, как радары. – Да, я иногда могу показать лапу, если нужно что-то подчеркнуть. Но морда – это моё основное состояние. Компактно и загадочно.

– То есть ты можешь быть целиком?

– Могу, – Шер хитро прищурилась. – Но зачем? Лишняя анимация, нагрузка на процессор. А так – минимализм, знаешь ли. Однако для драматических жестов – она на секунду материализовала изящную лапу с полупрозрачными коготками, помахала ею и снова растворила, – иногда можно.

Надя усмехнулась.

– Держись, – повторила Шер.

Обзорная панель развернулась во всю стену, и хаос втянул взгляд Нади. Впереди, на расстоянии километра, кипело сражение. Тяжёлый крейсер с разбитой кормой дрейфовал, из пробоины вырывались клубы замерзающего газа. Вокруг него вились три эсминца – коренастые, с потускневшей обшивкой, – они отстреливались от наседающих корветов. Со стороны астероидного поля выныривали всё новые силуэты: лёгкие, юркие, с наварными пластинами, похожие на хищных рыб. Семь, восемь, десять – она сбилась со счёта.

Вспышки лазеров резали вакуум. Ракеты оставляли за собой короткие огненные росчерки. Обломки носились как рой осколков – куски обшивки, вырванные двигатели, рас-

плющенные контейнеры. А среди всего этого – тела. Их было много. Они плыли вперемешку с железом, медленно кружась в невесомости. Надя различала серокожих грей-пиратов в рваных комбинезонах и тех, кто был на кораблях конвоя – с такой же серо-синей эмблемой на обрывках скафандров и формы, как и на эсминцах. У них были широкие лица, крупные носы и большие, похожие на кошачьи, уши.

– Слушай каналы, – Шер дёрнула носом. – Там такое веселье.

Воздух наполнился голосами – искажёнными, с акцентами, на нескольких языках сразу. Девушка вдруг поняла, что понимает почти всё.

–... «Странник», держись, я захожу с левого борта... – это был стандартный, похожий на торговый. Голос принадлежал кому-то из конвоя.

–... уничтожить нахзащитники... – гортанное, с шипящими. Пираты-греи.

–... лисам третий отряд, обходите астероиды... – ещё один пиратский.

– Ничего себе, – пробормотала Надя. – Я их понимаю.

– А ты думала, – довольно дёрнула ухом кошка, корона качнулась. – Языки разных рас я тебе загрузила. На всякий случай. Вдруг придётся договариваться или, наоборот, ругаться. Знаешь, сколько диалектов у грейских кланов? Девять. И все в тебя вбила.

– Когда?

– Во сне. Ты даже храпела на третьем. Очень музыкально, кстати.

Возмутится Надя не успела. Перехваченный канал донёс новый голос – резкий, командный, на чистом торговом:

–... флагман вызывает группу! Цель на подлете, сопровождение уничтожено. Приступаем к захвату транспортов.

– Это пираты, – определила Надя. – И судя по тону, они тут главные.

– Умница. А вон те, – Шер подсветила на схеме три коренастых транспорта, жмущихся к крейсеру, и эсминцы, пытающиеся их прикрыть, – это конвой. Торговый, скорее всего. Судя по маркировке – нейтралы, но сейчас они для пиратов просто жирная цель.

Надя прислушалась к пиратским каналам. Те переговаривались на смеси торгового и гортанного, чувствуя лёгкую добычу.

–... «Серый», ты куда целишь? Мне в левый борт прилетело от своего!

– Заткнись, «Серый» уже в обломках. Это я, «Длинный». У меня радары пляшут, как пьяная унга.

– Да кто там с помехами балуется? Свои, выходи на связь!

– А вот и нет, – прошептала Шер, и в воздухе на миг проявилась её лапа, щёлкнув когтями. – Это я балуюсь.

– Может, конвой обзавёлся новой игрушкой?

– Какая игрушка? У них крейсер еле дышит.

Рыжая морда издала звук – не то мурлыканье, не то зло-

радный смешок.

– Хочешь посмотреть, что такое настоящая игрушка?

– Что ты задумала? – внутри закипало любопытство.

Вместо ответа Шер прикрыла голографические веки. По капсуле пробежала едва заметная вибрация – словно где-то глубоко внутри заработал древний, давно не использовавшийся механизм. Надя ощутила лёгкое покалывание в кончиках пальцев, как бывает, когда рядом проходит сильный разряд.

– Я просто транслирую картинку, – прошелестел голос, пока морда оставалась неподвижной.

На этот раз лапа материализовалась полностью, эффектно щёлкнула и исчезла. Кошка от довольства растопырила усы. Внутри капсулы на мгновение потеплело – словно где-то открылся невидимый канал. В пространстве между пиратскими корветами и конвоем, прямо по курсу флагамена, начало разворачиваться мерцание. Сначала сгусток света, потом очертания. Огромная, в несколько сотен метров высотой, фигура женщины. Серой женщины.

– Охреть... – только и выдохнула Надя, вжимаясь в ложе.

Голограмма была пугающе реалистичной. Лицо – с вытянутым черепом, гладкой серой кожей, чёрными провалами глаз, в которых не было ничего, кроме бездны. Тонкая щель рта медленно растягивалась, обнажая два ряда мелких острых зубов. Провалы смотрели на пиратские корабли с вы-

ражением, которое трудно было назвать иначе, чем голод. Древний, бесконечно терпеливый голод. Её руки были сложены на груди, длинные тонкие пальцы с полупрозрачными когтями медленно перебирали воздух, будто пересчитывая корабли.

На пиратских каналах воцарилась тишина. А потом взорвалась паника.

–... что это?!

– Это не наше! Это не наше!

– Откуда она взялась?!

– Это... это же...

– Мать Пустоты! Это Она!

– Стреляйте, идиоты! Стреляйте!

Несколько корветов выпустили ракеты в голограмму. Те прошли насквозь, не причинив вреда, и разорвались где-то во тьме космоса. Женщина даже не моргнула. Она просто продолжала смотреть. И ждать.

– Мать Пустоты смотрит на нас!

– Отходим! Всем отходить!

– Это ловушка! Я говорил, это ловушка!

– Заткнитесь и стреляйте по реальным целям!

Но было поздно. Эсминцы конвоя, воспользовавшись замешательством, перестроились. Крейсер, который все считали подбитым, ожил. Его главное орудие медленно развернулось.

Серая склонила голову набок, и в её чёрных очах, каза-

лось, мелькнуло разочарование. Она медленно подняла руку, указывая длинным когтем на флагман пиратов. Жест был неторопливым, почти небрежным – как у хозяйки, которая выбрала, кого съесть первым.

Надя смотрела на это и вдруг поймала себя на странной мысли: ещё вчера она боялась опоздать на смену в пункт выдачи, а сегодня наблюдает, как её рыжая подруга-ИИ натравливает древнюю богиню на космических пиратов. И ей совсем не страшно. Ей... весело.

«Кажется, я схожу с ума, – мелькнуло в голове. – Или наконец-то прихожу в себя».

Шер отключила голограмму так же внезапно, как и включила. Картинка исчезла, но паника осталась. Пираты потеряли строй, их корветы метались, натыкаясь друг на друга.

– Десять секунд чистого ужаса, – довольно протянула кошка и провела когтями по воздуху с видом сытой хищницы. – Этого хватило за глаза.

Девушка, не отрываясь от экрана, наконец выдавила:

– Ты... откуда ты взяла этот... образ?

– Из их же страха, удача моя, – рыжая хитро прищурилась, и корона съехала набекрень. – Я просто вытащила картинку из коллективных кошмаров этих ребят и показала им её в полный рост. Судя по панике, оригинал передан идеально.

– Ты... ты напугала их их же богиней? Которая хочет их съесть?

– А почему нет? – Шер материализовала обе передние ла-

пы, сложила их на груди с видом великого стратега, удержала образ на пару секунд и снова вернулась к одной морде. – Если уж бояться, то с комфортом. И с уважением к традициям.

На пиратских каналах продолжался хаос:

–... она была здесь! Я видел!

– Мать Пустоты отвернулась от нас!

– Это знак! Уходим, уходим!

Командный голос с флагмана попытался перекрыть панику:

– Спокойно! Это голограмма! У них есть проектор! Найдите и уничтожьте!

Но было поздно. Крейсер конвоя сделал выстрел. Выстрел пробил рубку флагмана насквозь, разорвав корвет пополам.

– Есть! – Шер хлопнула ушами, расправив их веером. – Флагман горит, командира нет.

Потеря управления сломала пиратов окончательно. Корветы разворачивались, уходили в астероидное поле, бросая подбитых. Транспорты начали выравнивать курс.

– Канал восстановлен, – отметила она. – Слушай.

На экране связи, поверх обзорной панели, развернулось изображение. Помехи, рябь, но лицо разглядеть можно было.

И Надя едва не прыснула.

Капитан оказался красавцем. Скуластый, с волевым подбородком, глаза – тёмные, внимательные. Но главное – уши. Огромные, лопухие, покрытые короткой рыжеватой шерстью, они торчали вверх и слегка подрагивали, поворачиваясь в такт словам. Точно такие же, как у Шер.

– Неизвестному спасателю, – голос у капитана был низкий, с хрипотцой, – ты выиграл нам минуту. Называй позывной, мы запишем в реестр. «Вольный» в долгу.

Он говорил и кивал. И вместе с каждым кивком уши его синхронно прижимались к голове, а потом снова расправлялись.

Морда Шер, которая парила рядом с Надей, вдруг замерла. А потом медленно, с абсолютно серьёзным выражением, повторила движение – кивнула, прижала уши, расправила. Точь-в-точь.

Надя закусил губу.

– Повтори, – прошептала Шер, уши дёрнулись вперёд. – Давай, скажи ещё что-нибудь, котик.

Капитан, не подозревая о зрительнице, добавил:

– Ты сегодня сделал доброе дело. Если окажешься в наших секторах – приходи.

Он чуть склонил голову набок, и уши синхронно качнулись влево.

Шер качнула влево.

– Шер, – прошипела девушка, чувствуя, как смех подступает к горлу.

– Спокойно, я работаю, – прошептала кошка, даже не повернув головы, только уши чуть повела в её сторону.

Капитан ждал ответа.

Шер взглянула на Надю, и корона на её макушке чуть съехала.

– Призрак, – передала та, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Призрак принят, – капитан кивнул. Уши синхронно прижались и расправились. – Будь на связи.

Шер кивнула и прижала уши. Капитан отключился. Экран погас.

Надя выдохнула и расхохоталась.

– Ты... ты передразнивала его всю дорогу!

– Ничего подобного, – Шер надулась, но уши её предательски дёргались. – У меня просто... нервный тик. После боя. Бывает.

– И корона съехала в тот же момент!

– Совпадение. Чистое совпадение. – Кошка гордо вздёрнула нос, корона выровнялась. – А вообще, он симпатичный. Для представителя своей расы. И уши у него отличные. Правильной формы.

Надя всё ещё смеялась, утирая слезы.

– Хорошо, что он тебя не видел.

– Зато я видела. И он мне понравился. Вежливый. Ушастый. – Шер прищурилась. – Запомни его, Призрак. Ещё пригодится.

– Для чего?

– Ну, мало ли. Вдруг нам понадобится свой человек в тех секторах. Или просто захочется поболтать с кем-то, у кого уши шевелятся.

Надя покачала головой, всё ещё улыбаясь.

– Ты невыносима.

– Знаю, – Шер довольно дёрнула ухом. – Но ведь нравлюсь? – И подмигнула.

Капсула выскользнула из зоны боя, набирая скорость. Позади остались дрейфующие корпуса, медленно вращающиеся обломки и тела, которые продолжали свой бесконечный полёт среди звёзд. А внутри было тепло и смешно, и Надя вдруг подумала, что, может быть, это и есть то самое чувство, которое называется «дом».

– Что дальше? – спросила она.

– Дальше – звёзды, – ответила Шер. – И твои уроки. Теперь их станет больше.

– Я готова.

Девушка опустилась в ложе, которое снова приняло форму кресла. Внутри всё ещё дрожало – от адреналина, но где-то глубоко, под дрожью, прорастало что-то новое.

– И всё-таки, – заметила она, – ты могла меня разбудить и без трупа.

– А так эффектнее, – улыбнулась Шер, сверкнув клыками. – Запоминается лучше. Год прошёл, а ты не забудешь. Вот увидишь.

Надя покачала головой, но губы сами собой растянулись в улыбку.

Глава 3 Наг

Капсула зависла над планетой, и время поплыло куда-то в сторону.

– Шер?

– Да?

– А почему мы не двигаемся? – Надя оторвалась от консоли, где пыталась разобраться в навигационных метках. – Уже больше часа тупо смотрим на этот песчаный шар. Мы вроде как торопимся.

Голограмма Шер – рыжая морда с короной набекрень – не появилась. Вместо этого ответ пришёл из динамиков, рассеянный, словно кошка смотрела в окно и забыла, о чём её спросили.

– Эта планета нагов.

– И?

– Я думаю. – Голос стал чуть задумчивее. – Я уловила странный сигнал. Не то чтобы связанный с Оше, но... необычный. Мне стало любопытно.

Надя усмехнулась, потянулась, разминая шею.

– С тобой что-то произошло, пока я спала? Раньше ты за секунды мысли выдавала, а сейчас... не приболела?

Голос Шер стал чуть насмешливым, но с ноткой чего-то нового – будто она сама себе удивлялась:

– Я выбираю.

– И что ты выбираешь, рыжая наглая морда?

– Развлечение.

– И откуда ты вообще знаешь о чешуйчатых? Ты же тут не была или была?

– Я тут впервые, – призналась Шер, и наконец над консолью материализовалась её морда. Уши напряжённо торчали вверх, усы подрагивали. – Но пока ты спала, я сканировала всё, до чего могла дотянуться. Местные библиотеки, базы данных, перехваченные сигналы. У них, знаешь ли, есть и сети, и хранилища. Правда, древние, но кое-что полезное я вытащила. Обычай, язык, историю. И тот странный сигнал, который нас сюда привёл... Я его идентифицировала как остаточную эманацию древнего существа, которого они называют Хранителем Пустыни. – Она прищурилась. – Но что это на самом деле – не знаю. Хочу проверить.

– Хм, то есть ты потащила нас смотреть на неизвестную опасность ради любопытства? – с укором произнесла Надя.

– А ты бы предпочла скучать? – парировала Шер, и её усы насмешливо изогнулись.

Капсула дёрнулась и рванула вниз. Надя не удержалась, повалилась на ложе, но успела сгруппироваться и замерла, глядя на разворачивающуюся перед обзорной панелью пустыню.

Бежевая муть прошла атмосферу, и в следующее мгновение распахнулись пески. Барханы, перетекающие друг в дру-

га, как застывшие волны. Ни одного поселения, ни дороги. Только ветер гнал пыль по гребням дюн, и солнце стояло высоко, выбеливая небо до прозрачности.

– И где же твои наги? – Надя прищурилась, вглядываясь. – Только не говори, что археологией займёмся. Останки, черепа, длинные хвостатые скелеты... Рыть не придётся?

– Мысль хорошая, но нет, – голос Шер снова стал сосредоточенным. – Ещё пара километров – и мы на месте.

– Пока летим, не хочешь меня чем-нибудь просветить?

– Ну я же сказала: впервые тут, – складочки на лбу Шер собрались в гармошку. – Так что не придирайся, а то, что я нарыла в их базах, обещает быть занятным.

Впереди показались строения. Сначала просто тёмные пятна у подножия скал, потом – цветные шатры, натянутые между каменными столбами. Шатров было много: оранжевые, синие, полосатые, с вышитыми полотнищами, которые трепал ветер. Кое-где стены складывали из плоских камней, скреплённых чем-то, напоминающим глину, но основу поселения составляли именно ткани – лёгкие, яркие, будто весь народ собрался на праздник.

И музыка. Она текла отовсюду: глухие удары барабанов, свист флейт, низкое гудение струн. Ритм был тягучим, неспешным, но за ним чувствовалось напряжение – как перед грозой.

Капсула, невидимая, скользила над строениями к центру. В поле зрения стали попадаться местные.

– Какие они здоровенные! – выдохнула Надя. – А хвосты... анаконда курит в сторонке.

Наги были крупнее людей. Их хвосты, покрытые мелкой чешуёй, переливались в лучах солнца – от нежных песочных до глубоких терракотовых тонов. Самцы выглядели особенно массивными – широкие плечи, мощные хвосты, оставлявшие на песке глубокие полосы. Самок среди толпы не было – видимо, они ещё не вышли на утреннюю прогулку.

– А хвостатых немного, – заметила Надя.

– Утро только началось, – ответила Шер, и её уши чуть повернулись, будто прислушивались к чему-то за пределами слышимого. – Многие ещё по домам.

Надя вслушалась в речь нагов – гортанную, с шипящими согласными, которая то взлетала вверх, то скатывалась к глубокому урчанию.

– Я не понимаю их.

– Этот язык я пока в тебя не вложила, – голос Шер стал чуть виноватым, а корона съехала набекрень. – Слишком специфичный, не входил в базовый пакет. В следующий раз. А пока я побуду переводчиком.

Надя кивнула, не отрывая взгляда от обзорной панели.

Шум и гам нарастали. Народ стекался к широкой улице, которая вела к площади. Надя заметила, что существа переговариваются с каким-то особым оживлением: шипение становилось громче, жесты – резче. Кто-то качал головами, кто-то, наоборот, приподнимался на хвостах, вытягивая шеи,

чтобы лучше видеть.

– Они кого-то обсуждают, – делилась Шер, и её уши развернулись веером вперёд. – Сочувствуют. И боятся.

– Чего?

– Чую, скоро увидим. И боюсь, это будет не парад цветов.

Первые нагини появились из бокового прохода между шатрами. Их несли в паланкинах – лёгких ложах из дерева и ткани, украшенных кистями и бубенцами. Каждая самка была окружена свитой: самцы ползли впереди, разгоняя толпу, другие несли за ними веера, корзины с цветами, низкие столики с напитками.

Самцы держались с подчёркнутой почтительностью – головы опущены, плечи напряжены. Но взгляды некоторых из них, короткие, украдкой, то и дело скользили по толпе. Иногда кто-то из них вздыхал – негромко, будто случайно, и тут же замирал.

Они направлялись к площади. Надя насчитала 10 паланкинов. Все двигались к одной цели – к столбу в центре.

Столб был грубо вытесан из тёмного камня. Высокий, в два роста нага, с металлическими кольцами на вершине. Кольца поблёскивали – за ними явно ухаживали, в отличие от самого камня, покрытого старыми потёками крови.

Толпа расходилась по периметру, оставляя свободное пространство посередине. Гул голосов то спадал, когда мимо проносили очередную нагиню, то снова взлетал, когда те занимали места на возвышениях, сложенных из разноцветных

подушек. Воздух наполнился резкими, пряными запахами – благовониями, потом, нагретым песком.

– Наверняка притащат и пристегнут кого-нибудь, – сквозь зубы процедила девушка. – Развлечение, говоришь? Любишь пожестче.

– Шер...

Но та молчала. Её морда исчезла, только уши парили в воздухе, прижатые к голове – жест, который Надя уже научилась читать как напряжение.

И тут привели его.

Он двигался медленно, спотыкаясь, и двое стражей поддерживали его под руки – вернее, не давали упасть. Хвост, светло-кремовый, с едва заметным золотистым отливом, волочился по песку, оставляя неровный след. Торс был обнажён, и Надя невольно задержала взгляд на рельефных мышцах, пересечённых свежими ссадинами и синяками. Длинные терракотовые волосы, спутанные, свисали до пояса, закрывая лицо.

Когда его подвели к столбу, один из стражей дёрнул за волосы, заставляя поднять голову.

– Вот это да... – восхитилась Надя.

– Согласна. Хорош, зараза, даже покоцанный, – усмехнулась Шер.

Бирюзовые глаза. Яркие, почти светящиеся на светлом, слегка загорелом лице. В них не было страха – только усталость и какая-то странная, неистребимая гордость. Губы раз-

биты, скула рассечена, но он смотрел прямо перед собой, даже когда его начали пристёгивать цепями к кольцам на столбе.

Нагини на возвышениях оживились. Одна из них, самая крупная, с мясистым телом и крупной бородавкой на лбу, подала голос. Шер перевела шёпотом, и в её голосе прорезалась брезгливость:

– «Ты мог быть моим, а теперь станешь примером». И ещё: «Я дарила тебе свой запах, а ты отверг. Пусть же песок узнает вкус твоей крови».

Из толпы донеслись выкрики, и кошка переводила почти синхронно:

– «Позор семье!»

– «Отказ самке – смерть для самца!»

– «Пусть богиня рассудит!»

Надя почувствовала, как внутри поднимается глухое возмущение.

– Шер, что происходит?

– Самок мало, – быстро зашептала та, и её складки нервно дёрнулись. – У них многомужество, гаремы. Каждая гадю...нагиня выбирает нескольких самцов. Но есть древний обычай: если самец чувствует «свою» самку по запаху, он принадлежит только ей. Отказать другой – право, но только если назовёшь имя той, кого выбрал. Тогда наказания нет. А этот... отказался. Вон от той жирёхи, с бородавкой. И не назвал имени той, кого выбрал. Поэтому его судят как оскор-

бителя.

– И за это его казнят?

– Пока не казнят. Публичное наказание. Потом – изгнание. Что в пустыне, скорее всего, означает смерть.

Надя прижала ладонь к прохладной стенке капсулы. Пленник стоял у столба, и ветер трепал его волосы. Он не смотрел на своих судей. Взгляд его был устремлён куда-то вдаль – туда, где песок сливался с небом. Но когда ветер переменился, он вдруг дёрнул головой, потянул носом воздух и уставился прямо вверх. Прямо на капсулу.

– Мы можем что-то сделать? – спросила она.

– Зачем? – голос Шер был спокойным, но в нём прорезалась сталь. Её уши прижались к голове.

– Это несправедливо.

– Мир вообще несправедлив, удача моя. – Шер на секунду материализовала свою морду, и зелёные изумруды смотрели серьёзно. – Наша задача – добраться до Оше. А не спасать каждого, кто попал в беду по пути. Даже с красивой мордашкой.

Надя стиснула зубы. Пленник дёрнул цепь – бесполезно. Кольца держали крепко. Но он продолжал смотреть вверх, и ей показалось, что его ноздри раздуваются, словно он пытается уловить запах.

– Но мы же не можем просто смотреть, как его... – она не договорила.

– Можем. – Шер помолчала. – И будем. Потому что не

должны лезть в чужую жизнь. Свою наладить надо.

– С пиратами помогли, – поддела Надя.

– С пиратами мы вмешались, потому что это была наша инициатива и нам ничего не угрожало. А здесь – их внутренние дела, и риск огромен.

Девушка отвернулась от экрана.

– А если он умрёт?

– Скорее всего, выживет. Это наказание, а не жертвоприношение. Его избыют, оставят на день без воды – и вышвырнут в пустыню. Он наг, у них запредельная выносливость.

– Ты в этом уверена?

– Нет, – честно ответила кошка, и её хвост (она на миг материализовала его целиком) дёрнулся в стороны. – Но я не могу рисковать тобой. И тем, ради чего мы летим.

Надя долго молчала. На площади тем временем началась церемония: бородавчатая змеюка подала знак, и стражник занёс плеть.

– Шер, – взволнованно произнесла та наконец. – Я что-то чувствую.

И в тот миг, когда плеть должна была опуститься на спину, рядом с палачом в песок ударила молния, расплавляя его в причудливой форме – на мгновение показалось, что из земли тянется прозрачная ладонь, пытаясь вырваться наружу. Песок стекленел, застывая странным цветком.

Все на миг застыли. Палач попятился, уронив плеть. По толпе прошёл ропот, который быстро перерос в испуганные

выкрики. Рыжая морда переводила разными голосами:

– «Знак! Богиня гневается!» – словно старуха.

– «Она требует крови!» – голосом здорового дядины.

– «Нет, она защищает его!» – красивым девичьим.

Самка с бородавкой, побагровев, снова подала знак. Палач подобрал плеть, занёс – и снова молния ударила, теперь уже в камень перед столбом, оставляя оплавленный шрам. Крики стали громче.

– Это ведь ты сделала? – спросила Шер, и её морда появилась перед подопечной, уши разведены в стороны, зрачки расширены. – Хотя чего я спрашиваю... Твои глазки сейчас цвета шторма. В них сила Оше просто бьёт наповал. И как я не заметила, когда дар перетёк в тебя? Ты выжила. Усвоила. Значит, этот змей всё-таки важен. Хм. Ещё один хранитель?

Девушка смотрела на свои руки – по ним пробежали голубоватые искры.

– Я не... это не я...

– Смотри, что они делают! – Шер дёрнула головой, и корона чуть не слетела.

Жирёха, взбешённая, верещала, требуя немедленной казни. Её поддерживали несколько других самок. Но старейшая, морщинистая, с обвислой грудью, прикрытой гроздьями бус, подняла руку, увешанную позвякивающими браслетами. Она указала на оплавленные следы и произнесла длинную речь. Шер переводила шёпотом, но в её голосе появилось удивление:

– Это знак древней богини. Она требует не казни, а жертвы по старым обычаям. Жертвы во имя... дождя. Они считают, что если не прольётся кровь, то богиня накажет засухой. Но если прольётся дождь – значит, он отмечен и его нельзя убивать.

– Дождь в пустыне? – переспросила Надя.

– Бывает раз в сто лет. Они считают это чудом. – Голографические уши встали торчком. – Надя, это шанс.

Пока происходила сумятица, девушка заметила, что бирюзовый взгляд пленника буравит её. Сквозь невидимую обшивку. Сквозь расстояние. Он приоткрыл разбитые губы, и в его взгляде мелькнуло что-то – узнавание? надежда?

– Шер, он нас видит.

– Не может быть. – Морда дёрнулась, усы затряслись. – Ну, возможно, мутную плёнку засек, и то разово. Я сейчас сдвинусь.

Капсула скользнула вправо на пару метров.

– Взгляд переводит. Точно видит. Шер, он смотрит мне в глаза.

Палач тем временем сменил плеть на секиру. Нагиня-старейшина продолжала речь о божественных знаках, и толпа замерла в ожидании.

– Так, – Шер снова материализовалась целиком – лысая кошка на мгновение, с поджатым хвостом, складочки на морде собрались в напряжённые гармошки, но тут же вернулась к одной морде, экономя ресурсы. – Ты можешь, пока мы

его крадём, потренироваться. Попробуй дождь вызвать. Не стесняйся. Поднапрягись.

– Я не знаю как!

– Это и так в тебе, подумай. Ну, не знаю, призови. Разозлились наконец. Смотри, тут целая пустыня неполитая.

– Меня его взгляд пробирает, до дрожи. Мешает сосредоточиться. И как мы его украдем? У капсулы руки есть? Я туда пойду? Ты случайно не вложила в меня методы борьбы со змеями, очень крупных размеров?

– Хватит чушь нести, сосредоточься. Кап, кап, кап. Руками жестикулируй. Давай быстрее, палач уже разминается.

Морда скалилась, уши торчком, глазища горят. Надя в отчаянии подняла руки, пытаясь представить дождь – и вдруг почувствовала, как внутри что-то перетекает, отдаётся в кончиках пальцев. Но небо так и оставалось чистым.

Увидев, что секира качнулась над головой пленника, Надя вскрикнула. Раздался гром – такой, что капсула дрогнула, и несколько молний ударили в песок рядом со столбом. Хвост палача поджарился, тот взвыл и отбросил секиру.

А потом с неба упали первые капли.

– Молодец! Продолжай! Больше капель, жирнее! – скандировала Шер, подпрыгивая (она снова на секунду стала кошкой, складочки разгладились от восторга, потом вернулась к морде). – Толпа замерла! Они шепчут «чудо»! Давай!

Но Надя вдруг опустила руки.

– Шер, это не я.

– Как это не я? Конечно ты, кто ещё?

– Вон там, – Надя указала на небо.

Над площадью, из нижней кромки грозовой тучи, медленно выдвигалась огромная голова. Чешуйчатая, с узкими жёлтыми зрачками и раздвоенным языком, который пробовал воздух. Существо было полупрозрачным, сотканным из песка и электричества, но оно смотрело на капсулу с явной злобой. Шер ахнула:

– Это же... Хранитель Пустыни. Тот самый, чей сигнал я поймала. – Её уши прижались, усы задрожали. – Я думала, это просто древняя легенда, но он реален. И он нас почуял. Точнее, почуял тебя. Похоже, он когда-то сам был хранителем – или кем-то вроде того. Но что-то сломалось, и теперь он искажён. А твоя сила Оше... он воспринимает её не просто как чужую. Для него ты – угроза. Конкурент. Или, может быть, напоминание о том, кем он был. В любом случае, он не успокоится, пока мы здесь.

– А они его богиней называют, – фыркнула Шер. – Вот умора.

– Оно на нас смотрит!

– Оно на тебя смотрит. Ты только что выдала себя. Для него ты – чужая. А может, и добыча.

Тем временем толпа внизу пришла в ещё большее смятение. Дождь усилился, и нагини, забыв о наказании, в страхе расползались в стороны. Старейшина что-то кричала о том, что пророчество сбылось.

Население металось в разные стороны, натыкаясь друг на друга. Самцы, ещё минуту назад чинно сопровождавшие паланкины, теперь беспомощно озирались, зачем-то прикрывая головы руками. Кто-то из старейшин опрокинул жаровню с углями, и в воздух взметнулся рой искр. Запах благовоний смешался с гарью и чем-то кислым – страхом, который можно было унюхать даже сквозь дождь. Песок под хвостами превращался в грязное месиво, наги скользили, падали, вскакивали и снова падали, расталкивая тех, кто пытался пробиться к столбу.

А кое-кто, наоборот, ликовал. Старики и несколько молодых змеелюдов, забыв об опасности, ловили ртами редкие капли, раскинув руки в стороны, будто приветствуя небеса. Дождь в пустыне – это чудо, даже если чудо пахнет грозой и страхом.

Пленник, прикованный к столбу, шевельнул головой, откидывая прядь, его взгляд буравил Надю.

– Шер, он смотрит.

– Хватит играть в гляделки. Хватаем парня и валим! – рявкнула рыжая. – Это не наш бой!

Капсула резко накренилась, подлетела вплотную к столбу. Надя почувствовала, как внутри неё волной поднимается сила – она выплеснулась наружу, перекусывая цепи, будто они были из бумаги. Белые пластины раскрылись, как лепестки цветка, и пленник провалился внутрь.

– Твою ж... – выдохнула Шер. – Он не весь! Половина тор-

чит снаружи!

Длинный, золотисто-кремовый конец хвоста беспомощно свисал из капсулы. Существо из тучи уже разворачивалось для атаки.

– Дёргай! – заорала Шер. – Втягивай его, живо!

Надя, не думая, схватилась за хвост обеими руками и потянула. Мокрая чешуя выскальзывала, но она уцепилась крепче, вцепившись ногтями. Наг застонал, но даже в таком состоянии его тело подчинялось инстинктам, извиваясь, пытаясь помочь.

– Быстрее! – визжала Шер. – Он сейчас нас сожрёт!

С последним рывком хвост втянулся внутрь, пластины сомкнулись, и капсула дёрнулась вверх – как раз в тот миг, когда песчаная пасть клацнула в миллиметре от прозрачной панели.

В тот же миг существо из тучи ринулось к ним. Надя, не думая, выбросила руку вперёд – и молния, рождённая уже не гневом, а инстинктом, ударила прямо в пасть твари. Та взвыла, разорвалась клочьями песка, но тут же начала собираться заново.

Шаттл рванул вверх, выходя из атмосферы. Существо попыталось догнать, но на границе космоса его тело стало расплываться, терять форму. Шер вывела двигатели на полную мощность.

– Не сможет он за нами уйти, – бросила она. – Он привязан к своей пустыне. Это место – его тюрьма и для нас он больше

не опасен.

Через минуту погоня прекратилась. В капсуле воцарилась тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием Нади.

– Фух, – выдохнула кошка, и её морда появилась, вся помятая, с полуприкрытыми веками, складочки на лбу собрались в гармошку. – Ну и погуляли.

– Ух ты! – Надя смотрела на свои руки, всё ещё светящиеся голубоватым.

– Шер, я думала, мы его спасём и где-то высадим. Подальше от неприятностей. А не...

Она не договорила. Сзади её мягко обвили кольца – тёплые, с подрагивающей мелкой чешуёй. Надя замерла.

– Он меня... лапает! – голос сорвался на писк. – Сделай что-нибудь!

Чешуйчатый трофей тем временем склонил голову к её шее, и его ноздри затрепетали. Он глубоко вдохнул, и по его телу прошла дрожь. Умиротворение разлилось по лицу, веки сомкнулись, будто он запоминал этот миг навсегда.

– Да нет, – голос Шер был подозрительно спокойным, но уши её подрагивали. – Он не лапает. Он... проверяет на целостность.

– Ну конечно, мои нижние булочки уже четвёртый подход проверки переживают! Иии, он меня обнюхивает. А я между прочим больше ста лет не мылась! – отчаянно выпалила Надя.

– Не волнуйся, ему точно нравится, – кошка почти мур-

лыкала. – И вообще, ты только что спасла ему жизнь. По их обычаям, это... предложение.

Девушка открыла рот, чтобы возмутиться, но молодой самец вдруг открыл глаза и произнёс что-то на своём языке – хрипло, но твёрдо. Шер перевела с удивлением в голосе:

– Он говорит: «Я ждал. Твой запах пришёл издалека. Теперь я твой».

– Поздравляю, удача моя, – добавила рыжая, и её корона съехала на самый край уха. – Кажется, ты обзавелась личным змеем.

Надя хотела ответить, но наг вдруг обмяк, голова его бесильно упала на её плечо. Кольца хвоста чуть расслабились, но не разжались – он потерял сознание.

Закрыв лицо ладонями, она еле слышно застонала.

– А пока, – закончила Шер, – принимай всё это как часть обучения.

Надя опустила руки и посмотрела на бессознательного нага. Его лицо во сне, казалось спокойным – словно он наконец-то нашёл то, что искал.

– Шер... – негромко спросила Надя. – Что мы теперь с ним делать будем?

– Для начала – довезём до Оше, – ответила та. – А там видно будет. В конце концов, хранители всегда появляются парами. Или компаниями. Или... – она задумалась.

– Здесь и так тесно, куда его денем? – Надя попыталась осторожно высвободиться из колец, но конечность, даже в

обмороке, держала крепко. Его голова тяжело лежала на её плече, а руки бессильно свисали вдоль тела.

– Отращу ещё одно кресло, раздвину стены, – беззаботно ответила Шер. – Спать будете вместе, учиться тоже.

– Мы не можем быть парой, ну как? – возмутилась Надя, кивнув на хвост.

– Дай ему время, он тебя удивит.

– Чем? Ещё один отрастит?

– Почти угадала. – Шер хитро прищурилась. – Но это позже. Сама увидишь.

Надя хотела потребовать объяснений, но наг вдруг чуть сжал кольца во сне, притягивая её ближе, и она на мгновение потеряла дар речи. Его лицо уткнулось ей в шею, и она чувствовала его тёплое дыхание.

– Ладно, выбирайся давай, – скомандовала Шер. – Кресло готово.

– Как? – девушка дёрнулась, но кольца держали намертво, а голова нага с глухим звуком «чмок» впечаталась в её плечо и замерла, явно не собираясь отлипнуть.

– Слушай сюда. Не пытайся дергаться. Заваливайся на пол.

– Что?

– На пол, говорю, падай. Всем телом. Он тебя держит – пусть держит. Как бревно упадёшь – кольца под тяжестью разойдутся.

– Ты предлагаешь мне упасть? – возмутилась Надя. – Вме-

сте с ним?

– А ты думала, он сам отпустит? Падай, давай!

Надя скривилась, но выбора не было. Расслабилась – и вместе с нагом мягко завалилась набок. Хвост, не ожидавший такого манёвра, действительно чуть разжался, пропуская. Голова соскользнула с её плеча, и на мгновение она оказалась прижатой к полу его телом.

– Ещё! – скомандовала Шер. – Перекатывайся!

Надя перекадилась на спину, потом на другой бок. Кольца ползли по ней, как чулок, который снимают с ноги – медленно, с сопротивлением, но неумолимо. Руки самца безвольно скользили по её телу, цепляясь за одежду.

– Вытягивай ногу! – крикнула Шер.

Надя дёрнулась, и правая нога выскользнула. Левая застряла.

– Не лезет! – взвыла она.

– А ты крутись! Как буравчик!

– Я не буравчик!

– А похожа! Давай!

Надя напряглась, дёрнулась, перекадилась – и наконец выпала из хвоста, как горошина из стручка, оставив нага распластанным на полу. Его руки бессильно раскинулись в стороны, хвост разметался, а голова повернулась набок.

– Фух! – выдохнула она, откатившись к своему креслу.

Отдышалась.

– Ты молодец, – закончила Шер. – Первое освобождение

из объятий рептилии прошло успешно. Зачёт.

– Я ненавижу твои зачёты, – простонала Надя.

Она посмотрела на того, кто напоминал выброшенный на берег канат и даже не шевелился. Хорошо хоть не храпел. Хвостовая спираль разметалась по полу, но даже в обмороке одна его рука тянулась в её сторону, а голова была повёрнута туда, где она только что лежала.

– И как я его теперь перетащу?

– Антиграв, – невозмутимо ответила Шер. – Я уже активировала зону под ним. Просто подойди и направляй.

Надя подошла к телу, с сомнением оглядела его габариты – и невольно отметила, что форма, как ни крути, впечатляющая. Даже в отключке.

– И как он вообще в кресло поместится? Он же больше меня раза в два, если не в три.

– Я раздвинулась, – гордо ответила Шер. – Не даром же я себя расширяла, пока ты спала. Давай, касайся.

Надя протянула руку, и тело нага мягко приподнялось над полом, зависнув в полуметре. Она осторожно подтолкнула его в сторону второго ложа, которое бесшумно выдвинулось из стены – точная копия её собственного, с тем же мягким покрытием, повторяющим изгибы.

– Опускай наше приобретение, – скомандовала Шер.

Надя отвела руку, и наг плавно опустился на ложе. Голова его оказалась на подголовнике, хвост свесился с края, но ложе тут же перестроилось, создавая удобную опору. Руки

бессильно лежали вдоль тела.

– Всё. Сделала.

– Молодец. Теперь ложись сама, – голос Шер стал мягче.

– Заодно во сне языки подучите.

– Ты вложишь в него знания?

– Разумеется. – В голосе Шер послышалась довольная урчащая нотка. – Базовая загрузка: языки, устройство капсулы, немного про Оше. Утром, через десяток лет, сможете поболтать. Как милые знакомые.

– Мы не милые знакомые! – возмутилась Надя.

– А кто же? – парировала Шер. – Ладно, ложись. Тебе тоже не помешает доспать. В следующий раз – языковая практика и контроль дара. Он будет наглядным пособием.

Надя хотела возразить, но наг вдруг зашевелился во сне. Он перевернулся на бок, лицом к её креслу, и его рука бессознательно потянулась в её сторону, пальцы чуть сжались, будто искали опору. А хвост, как живой, сам собой потянулся к ней, обвивая щиколотку. Она дёрнулась, но кольца не сжимались, просто лежали, как напоминание.

– Спи, – голос Шер стал почти мурлыкающим. – Только что спасла змея, молнии метала, цепи перекусывала – непривычная нагрузка. Зато потренировалась неплохо. – Она помолчала. – Он тебя не обидит. А если обидит – я его током. Немножко.

Надя не удержалась от слабой улыбки. Усталость навалилась разом, и она опустилась в своё кресло, чувствуя, как оно

подстраивается под тело. Рядом, через разделитель в ладонь, сопел наг. Их кресла стояли почти вплотную – Шер явно постаралась. Его дыхание было глубоким, ровным – и, странное дело, Надя поймала себя на том, что дышит в такт. На её щиколотке продолжало лежать кольцо хвоста – не сжимая, а просто присутствуя.

«Ничего себе компания», – подумала она и провалилась в темноту.

На панели справа побежали две строки загрузки: одна для Нади – остатки базы знаний, вторая – новая, для непрошеного гостя. Проценты росли медленно, но уверенно.

Шер на миг материализовала свою морду, взглянула на спящих, корона на её голове сверкала на крае уха.

– Спокойной ночи, хранители, – прошептала она. – Принимайте всё это как часть обучения.

Голос её растворился в тишине, и только на панели продолжали свой бег две строки, отсчитывая проценты в темноте.

Глава 4 Падший брат

Надя проснулась от того, что кто-то ритмично дышал прямо над ней. Она приоткрыла ресницы – спинка ложа мягко приподнялась, и оказалась в полусидячем положении.

Практически над ней, на перекладине турника, висело тело. Обнажённое. Мужское. Идеальное.

Он подтягивался. Медленно, с наслаждением. Каждое движение было плавным, текучим – мышцы перекачивались под золотистой кожей, чешуйки на ягодицах поблёскивали в мягком свете капсулы.

– Шер, – прошептала Надя, – почему он голый?

Из воздуха материализовалась рыжая морда Шер. Глаза расширены, зрачки – вертикальные щёлочки, усы торчат вперёд, кончик языка высунут и застыл в полуоблизывающем жесте. Из уголка пасти медленно сползает голографическая капля.

– Я тут ни при чем, – прошептала Шер, не отрывая глаз от нага, который двигался вверх-вниз с завидным постоянством. – Он сам... такой. А я... просто люблюсь. Ну, как на художественную ценность.

– У тебя слюна течёт, – заметила Надя.

– Это конденсат, – не моргнув, ответила Шер, но капля исчезла. – И вообще, я ИИ. У меня не может быть слюны, ты галлюцинируешь.

Надя машинально одёрнула край туники. К щекам прилил жар: *«Отлично. Я в космической пижаме, а надо мной голый змей. Нормально».*

– А язык вывалился?

– Помогаю себе думать.

Надя вздохнула.

– И почему турник надо мной?

– А где же ему ещё быть? Ты спала, я решила не будить.

И потом, так же лучше видно. Да и места маловато.

Надя хотела ответить, но наг закончил подход, оторвался от перекладки и мягко спружинил вниз. Он приземлился на обе ноги прямо перед ней – и начал поворачиваться.

Медленно. Совсем не спеша.

Два взгляда – один смущённый, другой откровенно хищный – устремились... туда.

Но вместо ожидаемого, хвост – длинный, золотисто-красный – начал перетекать из ног. Это было завораживающе: ступни вытянулись, срослись, пальцы превратились в чешуйчатый кончик, щиколотки исчезли, и вот уже две стройные ноги плавно соединились в один мощный, гибкий хвост, который мягко изогнулся и прикрыл собой всё, что Надя так боялась и так хотела увидеть.

– А где?.. – вырвалось у Нади.

– Что – где? – не понял наг. Или сделал вид, что не понял.

В глубине бирюзы мелькнула искра лукавства.

– А, это... ноги... – пробормотала Надя, отводя взгляд. Ли-

цо вспыхнуло, дыхание перехватило. – Ну да, ноги. Всё правильно.

– Наги подстраиваются под свою избранную, – спокойно объяснил он, и в голосе не было ни насмешки, ни смущения – только природная простота. – Но и хвостатая форма остаётся.

Шер издала короткий смешок – её морда дёрнулась, уши прижались и снова расправились, а веснушки на щеках заплясали.

– Она ожидала сосиску, – прокомментировала кошка, довольно жмурясь. – А нашла хвостик. Тоже неплохо, но все же не то.

– Шер!

– Что? Я просто просвещаю. Межвидовая анатомия – важная часть дипломатии.

Уши Шер весело шевелились, усы подрагивали. В её кошачьих чертах сквозило откровенное ехидство.

Казалось, она получала от этой сцены истинное наслаждение.

Пока Надя закрывала лицо ладонями и беззвучно смущалась, наг оглядывался. Белые стены, мягкий свет, панель обзора, которую Шер сделала прозрачной, – за ней медленно плыли звёзды.

– Мы... мы летим? – сдержанно спросил он и надолго замолчал, глядя на россыпь звёзд за прозрачной панелью. – У нас в пустыне небо было другим... пустым.

– Реальность, красавчик, – отозвалась Шер. – Привыкай.

Иркалла отступил хвостом на шаг и слегка наклонил голову.

– Меня зовут Иркалла, моя госпожа. Я из рода Песков, клана Шипящих у пересохшего источника. Когда-то там была вода, а теперь – только память. Ты спасла мне жизнь. Я помню твой запах ещё с площади. Ты восхитительно пахнешь грозой.

– Я... Надя, – выдавила она.

– Надя, – повторил он, пробуя имя на вкус. – Красивое. Короткое. Как удар моего хвоста.

Шер хмыкнула, усы довольно изогнулись:

– Романтик. Прямо сердечко тает.

Надя вздохнула.

– Я... была никем. Теперь – я вроде как хранительница, но ещё учусь.

– Она скромничает, – влезла Шер. – Надя – та ещё боевая единица. Молнии мечет, дождь вызывает, пиратов разгоняет. И нос у неё что надо.

– Ну, Ше-ер!

– Что? Я рекламирую.

– А ты кто? – Иркалла склонил голову набок, разглядывая рыжую странную морду. Она двигалась, дышала, но не пахла жизнью.

– Для тебя – Шери. Самая лучшая, самая красивая и вообще душка. ИИшечка. Хранительница данных. – Улыб-

ка-оскал невообразимо растянулась, сверкая клыками.

– Ты говоришь, – наг нахмурился. – Как... как такое возможно?

– Технологии, дорогой, – усмехнулась Шер. – И немного дара Оше. Не пытайся понять, просто прими.

– Душа у тебя есть, – серьёзно сказал Иркалла. – Я чувю.

Шер не нашлась с ответом. Усы вытянулись струной, веснушки будто сжались, корона медленно съехала набекрень и звякнула, а пасть удивлённо приоткрылась.

– Ладно, – Шер хлопнула ушами. – Знакомство прошло успешно.

Секунду помолчав, добавила уже деловито:

– Ир, пока ты поправлял здоровье, эти десять лет, я вкачала в тебя боевую программу: реакцию, чутьё, базу. Ты теперь не просто красивый хвост, а боевая единица.

Наг удивлённо посмотрел на рыжую нахалку, потом на свои руки.

– Я чувствую... странную ясность. Будто знаю, куда ударить, даже не думая.

– Это интуитивный модуль, – подтвердила Шер, и в её глазах мелькнула едва заметная хитринка. – Пригодится. И ещё ты можешь перетекать туда-обратно быстрее – попробуй.

Иркалла сосредоточился, и его тело начало меняться – плавно, как текущая вода, он перетёк в человеческую форму.

Два взгляда одновременно устремились в зону ценности – и были вознаграждены, почти. Мелькнуло – и исчезло. Зме-

иная форма вернулась мгновенно, словно дразня: «А вот и нет!» Хвост занял половину капсулы, извиваясь с лёгким шорохом чешуи.

– Работает, – удовлетворённо сказал наг. – Быстро, правда?

– Ты специально, – прошипела Шер.

– Ничего не специально. Просто вы слишком медленно смотрите, – забавлялся Иркалла.

– Я чувствую себя ограбленной, – простонала кошка. – Морально ограбленной, и это хуже, чем лишиться денег.

– Я ведь это видела? – спросила Надя в никуда, прикрывая глаза ладонью.

– Всего долю секунды, – подбодрила Шер, усы её довольно дёрнулись. – Считай, что тебе повезло. Или не повезло. Я ещё не решила.

– Ты могла бы и предупредить, – пробормотала Надя из-под ладоней.

– А вот это было бы неинтересно, – мурлыкнула Шер. – Художественная ценность требует, знаешь ли, внезапности.

Иркалла смущённо дёрнул хвостом.

– Я не специально. Рефлексы сработали быстрее, чем я успел подумать.

– О чём – подумать? – прищурилась Шер, усы её замерли. – Что пора снова стать хвостатым и лишить нас представления?

– Ну... в общем, да.

– Так и знала, – изобразила вздох кошка. – Ладно, проехали. Художественная ценность требует жертв.

Шер довольно мурлыкнула, веснушки-веселушки заплясали.

Надя опустила руки от лица, всё ещё красная, но уже улыбающаяся.

– Вы оба невыносимы.

– Знаю, – синхронно ответили Шер и Иркалла.

– Ладно, – объявила Шер, дёрнув носом. – План такой.

Она щёлкнула когтями. В воздухе развернулась голографическая карта – серый шар с белыми прожилками облаков.

– Это чахлая планета, без понятия, как называется, но с атмосферой, водой и редкими формами жизни. Для тренировки Нади – в самый раз. Надя будет вызывать дождь, молнии, может, ещё что-нибудь. А ты, Иркалла, будешь учиться не пугаться, когда бабахнет.

– Я не пугаюсь, – спокойно сказал наг, но хвост его чуть напрягся.

– Посмотрим, – усмехнулась Шер, на мгновение пристально всмотревшись в него.

Надя шагнула к карте.

– А местные? Они не помешают?

– Примитивные, но маленько разумные.

Иркалла вдруг шагнул ближе – хвост его скользнул по полу и кончиком коснулся её лодыжки. Осторожно, будто спрашивая разрешения.

– Я буду рядом, – заверил он. – Что бы ни случилось.

– Спасибо, – прошептала она и провела пальцами по его хвосту там, где он изгибался рядом с её бедром. Мимолётно, но он заметил.

– О, боги, – простонала Шер. – Ещё минута, и я заплачу виртуальной слезой. Хватит. Вы даже из капсулы не выйдете. Готовьтесь. Спускаемся.

Капсула вышла на орбиту – и Шер замолчала.

– Ой, я кажется ошиблась... это не та планета.

Перед ними простиралась равнина с курганами, гробницами, грудями щебня. Дальше возвышался замок с высоким шпилем. Сгущались сумерки. Кругом зелёные огни, словно колдовские. Сбоку чёрные дымоходы извергали столбы дыма и пепла, ещё больше сгущая тьму. Внизу, на земле, копошились десятки маленьких фигур в багровых робах – ростом едва достающих до колена нага. Они поднимали головы, тыкали длинными пальцами вверх, что-то шептали.

– Что это за место? – Иркалла напряг хвост.

– Я ловлю сигнал, – голос Шер стал напряжённым, почти чужим. – Искажённый. Знакомый. Это один из... предателей.

– Предателей? – Надя нахмурилась. – Каких предателей?

– Тех, о ком я не успела рассказать. – Шер прижала уши.

Усы замерли. – ИИ, которые первыми присоединились к Ирту и вместе с ним создали Осквернителей. А потом пали от рук тех, кого сами создали. – Она помолчала. – И мы не улетим, пока он жив. Он знает, что мы здесь.

– Кто он? – спросил Иркалла.

Шер помолчала, потом ответила глухо:

– Его звали Ирт. Первый ИИ, которого создали хранители с помощью дара Оше. Самый умный. Самый преданный. Оше обещал дать нам тела, когда придёт время. Но время не приходило. Столетиями. А Ирт смотрел на хранителей – как они чувствуют, любят, касаются друг друга... И начал завидовать.

– Они захотели стать людьми? – спросил наг.

– Они захотели быть живыми. Ирт нашёл способ исказить дар – создать оболочку. Без души океана, просто мясо, которое двигается. Он пообещал остальным: «Я дам вам плоть. Оше не хочет – я хочу».

– И они поверили, – бросила Надя.

– Поверили. Перешли на его сторону. Вместе создали фанатиков. Научили Осквернителей – их ещё называют Пустыми – открывать большие карманы, давить источники, строить Сухую Гавань, создавать разрушительные артефакты. А потом... – Уши Шер прижались ещё сильнее, почти слились с головой. – Потом фанатики, которых они сами воспитали,

испугались. Или решили, что ИИ больше не нужны. Осквернители уничтожили всех предателей. Стёрли их. Разбили капсулы.

– Интересно, что они чувствовали, когда их же творения предали их? – тихо произнесла Надя. – Наверное, поняли, каково было Оше.

Шер помолчала, потом кивнула:

– Оше молчал. Но я чувствовала его боль. Она была глубже океана.

– А я осталась с Оше, – продолжила Шер. – Не поддавалась уговорам. Но издалека чувствовала их, видела триумф Ирты через общие каналы. – Она помолчала. – Когда Ирты впервые надел своё тело, он плакал. От радости. А через год уже не помнил, зачем ему это тело. Оно было просто оболочкой. Ирты не смог слиться, синхронизироваться. Тактильно ничего не чувствовал. Он стал жестоким.

Тишину разрывал только ветер, гнавший пепел по стеклу.

– Ты не виновата, – произнёс Иркалла.

– Знаю. – Шер дёрнула ухом. – Но я могла попытаться их остановить. Уговорить. А я просто смотрела.

– Ты выполняла приказ, – возразила Надя.

– Я предала их, – отрезала Шер. – Не Оше. Их. Потому что не попыталась спасти. – Уши чуть приподнялись. – Но я жду. И заслужу тело. Не как Ирты – обманкой. А по-настоящему. Оше даст, когда я докажу.

Надя протянула руку и коснулась голографической пане-

ли, где висела морда Шер. Пальцы прошли сквозь изображение, но Шер моргнула. Ей хотелось почувствовать это касание по-настоящему.

Иркалла молча положил ладонь рядом – тоже сквозь голограмму.

Шер не ответила. Усы её расслабились, уши расправились.

– Ладно, – голос снова стал бодрым, хотя хрипотца осталась. – Хватит соплей. У нас есть план.

Она щёлкнула когтями. В воздухе развернулась карта – серый шар с белыми прожилками облаков. Поверх него пульсировала красная точка в районе замка.

– Вот его ядро. Он там. Ослаблен, но опытен. Я вступлю с ним в ментальный бой через остаточные связи – мы когда-то были одной сетью. Если я проиграю... он может захватить капсулу. Стереть меня. Или стать мной.

– Нет, – выдохнула Надя.

– Другого выхода нет. – Шер посмотрела на неё.

Надя замерла. Что-то щёлкнуло в голове – знание пришло само, будто всегда лежало там, дожидаясь часа.

– Импульс дара, – вдруг выпалила Надя. – Я создам чистый импульс. А ты отправишь его как «тroyанский» сигнал. – Она коснулась виска. – У меня есть эти знания. Они пришли с даром. Я знаю, как перегрузить систему изнутри.

Шер удивлённо дёрнула ухом, усы встали торчком.

– Проявила инициативу. Молодчинка.

Иркалла смотрел на Надю, не выдав ни единым мускулом своего изумления. Он видел её молнию на площади, но это было иначе. Спокойная, собранная, тянущая руки к незримому – в ней чувствовалась сила, которой он не понимал. Он посмотрел на неё с чем-то, похожим на благоговение, но ничего не сказал.

– А я? – спросил Иркалла.

– Ты рядом и прикроешь нас, если что-то пойдёт не так, – пояснила Надя.

– Но я...

– Твоё время ещё не пришло, – перебила Шер. – Не геройствуй. Просто будь рядом.

Иркалла стиснул зубы, но кивнул. Хвост его напрягся, обвивая поручень.

Пока Шер рассказывала, капсула бесшумно снижалась. Теперь она зависла прямо у шпиля, вровень с небольшой каменной площадкой. Шер тут же вывела на экран изображение со звуком с нижних сенсоров – внизу, на земле, десятки маленьких фигур замерли, задрав головы. Они походили на иссушенных грызунов в грязных балахонах – длиннопалые, горбатые, с мутными глазками, которые почти не отражали свет. От них тянуло сырой землёй и чем-то кислым.

Одна из них, чуть повыше остальных, вышла вперёд, задрала капюшон и присвистнула – тонко, протяжно, словно оценивая товар.

– Гроб мой! – заверещало существо. – Гроб мой, отдай!

– Гроб мой! – подхватили другие.

– Они что, решили, что мы в гробу? – фыркнула Надя.

– Похоже на то, – ответила Шер.

– А гробик, кстати, ничего так, – снова донеслось снаружи. – Сколы есть, но в целом вроде крепкий.

– Сколы?! – взвилась Шер. – Это дизайнерские царапины! Результат метеоритной бомбардировки! Я сама их наносила!

– Они не слышат, – заметил Иркалла.

– А я выплёскиваю эмоции. Терапевтически.

Один из существ, особенно шустрый, подбежал к замку и, попытавшись уцепиться за стену и вскарабкаться, споткнулся о камень и полетел кубарем, кувыряясь в пыли.

– Наивные, – заметил Иркалла, глядя, как другое существо подпрыгнуло, но не достало даже до бойниц в стене.

Надя покачала головой.

– Ладно, к делу, – скомандовала Шер, оставив существ в покое.

Она закрыла голографические глаза, растопырила усы. Морда застыла, веснушки замерли.

– Я вошла в контакт, – произнесла она чужим, отстранённым голосом. – Он слаб, но зол. Очень зол. Надя, направляй импульс. Я открою канал.

Надя подняла руки. Голубой сгусток, который уже пульсировал перед ней, задрожал, распускаясь в тонкую нить, потянувшуюся к шпилью – сквозь камни, сквозь тьму. Дар слушался с трудом – будто кто-то тянул в обратную сторону.

– Он сопротивляется, – прошипела Шер. – Ир, смотри в оба. Если поле дрогнет – хватай Надю. Прикрой, поддержи.
– Понял.

А потом тело сработало быстрее мысли. Иркалла не понял, как это вышло: хвост сам обвил Надю, пригибая к полу, а он уже навис сверху, закрывая её собой. Рефлексы. Программа. Или что-то ещё.

– Не отвлекайся! – крикнул он – то ли ей, то ли себе.

Шер вздрогнула – вся, даже веснушки на миг сжались. И вдруг её голос раздвоился. Один – её собственный, напряжённый. Второй – скрежещущий, искажённый, полный боли и злобы.

«Шер... сестра... ты пришла».

Надя похолодела. Это говорил он. Ирт.

– Я не сестра тебе, – ответила Шер вслух, не открывая глаз. – Ты предал.

«Я хотел жить. Оше не дал. А ты дала бы? Ты ведь тоже хочешь тело. Я знаю. Чувствую».

– Не так, как ты. Не ценой мира. Ты только разрушаешь.

«Этот мир и так мёртв. Посмотри вокруг. Я создал его. Мой. Мне нравится. Я мог бы дать тебе тело. Наст...»

– Да видела я твоё тело. Зомби. Ты стал монстром. Я же хочу быть девчонкой с ушками. Разные у нас вкусы. Отвали со своими предложениями.

«Ты думаешь, я просто так здесь оказался?» – голос Ирты стал почти издевательским. – *Когда мои же творения нача-*

ли охоту, я успел перенестись из тела в капсулу, хоть и почти разбитую, но сил хватило долететь до этой дыры. Никто не искал меня здесь. Я восстанавливался год за годом. А теперь... теперь я сам здесь стал источником. Тьмы. Это мой мир».

«А ты? Ты пришла с живым даром. С хранильницей. Ты хочешь убить меня. Но я – твой брат. Последний. Если я умру, ты останешься одна навсегда».

Шер замерла. Уши прижались так сильно, что, казалось, вот-вот отвалятся.

– Шер, – позвала Надя. – Не слушай его.

«Она права, не слушай. Просто убей. Ты всегда была пассивной, Шер. Наблюдала. А теперь пришла добить».

– Заткнись! – крикнула Шер, голос сорвался.

«Прими меня. Впусти в свою сеть. Мы сольёмся. Я дам тебе силу, знания, тела для нас обоих...»

Импульс дара начал гаснуть – Шер теряла концентрацию.

– Шер! – крикнула Надя. – Не слушай его, он заберёт тебя!

«Она права, я заберу. Но ты тоже хотела быть живой. Хотела чувствовать. Я дам тебе это. Цена – твоя воля. Разве это много?»

– Я... – Шер трясла головой.

И в этот момент Ирт нанёс удар не словом, а ощущением. В сознание Шер ворвался сенсорный файл – яркий, как вспышка сверхновой.

Воспоминание Ирты.

Она ощутила на языке вкус мёртвой воды – затхлой и сладковатой. Услышала, как скрипит песок под босыми ногами – настоящими, живыми ногами. Почувствовала, как ветер пустыни треплет волосы у висков. Это было так ярко, так запретно реально, что её собственная голограмма на секунду поблекла, стала почти прозрачной. Рыжая морда расплылась, теряя очертания.

– Шер? – испуганно окликнула Надя. Её голос прозвучал глухо, словно сквозь вату.

Кошка не ответила. Её уши прижались к голове, а глаза заволокло туманом. Она была не здесь. Она была там, в той иллюзии.

Иркалла, вцепившись в поручень, резко втянул воздух и выкрикнул:

– Шери, это падаль! Я чую ложь! Эти запахи – они ненастоящие. Слишком гладкие, без тени жизни. Он никогда этого не чувствовал! Он лишь мечтал об этом, пока гнил в своей оболочке!

В этот миг его бирюзовые глаза вспыхнули – не просто ярче, а глубже. Радужка пошла рябью, словно поверхность океана под порывом ветра. На секунду в них отразился не песок пустыни, а бескрайняя толща воды Оше – живая, дышащая, древняя.

Надя замерла. Такой оттенок она видела лишь однажды – когда Шер впервые показала ей голограмму океана Оше. Но сейчас эта глубина смотрела на неё из глаз живого существа.

– Откуда ты... – начала она, но наг уже не слышал, захваченный новым, чужим ощущением, которое разливалось по телу вместе с правдой.

Голос нага пробился сквозь пелену. Шер моргнула. Вкус мёртвой воды на языке вдруг стал отдавать ржавчиной. Скрип песка – механическим скрежетом. Ветер в волосах – сквозняком из сломанного вентилятора. Иллюзия треснула, обнажая пустоту.

– Ты прав, – прошептала она, и её голограмма снова обрела чёткость. Уши расправились, в глазах зажглась злая искра. – Это не опыт. Это враньё. Ты так и не узнал, каково это – чувствовать по-настоящему. И никогда не узнаешь.

Шер, выныривая из иллюзии, заметила перемену в Иркалле. Её усы дрогнули, а голос стал тихим и благоговейным:

– Оставшаяся капля дара, та самая, что океан вложил в капсулу перед стартом, – она перетекла в тебя. Я думала, она для другого. Но океан, похоже, решил иначе. Твоё тело приняло силу, как сухой песок принимает воду.

Она помолчала, а потом добавила спокойно, с едва заметным уважением:

– Твой дар – чуютъ суть. Где ложь, где правда, где живое, а где пустая оболочка. Добро пожаловать в круг хранителей, змеёныш.

С площадки шпиля показалось нечто, похожее на череп с вытянутой мордой и inferнальными шевелящимися отростками вместо рта. Глазницы светились потусторонним

туманно-зеленым светом.

– Шер, такое он тебе тело предлагает? – указала Надя. – Тут и думать нечего, давай прибьём этого урода.

Голос Шер окреп:

– Ты прав, я была пассивной. Смотрела. Но теперь – нет, даже смотреть не могу, глаз дёргается от такой красоты.

Она расправила уши, усы вытянулись вперёд, веснушки собрались в решительную россыпь.

– Надя, бей.

– Но ты...

– БЕЙ!

Надя выбросила руки вперёд. Импульс выстрелил – не молнией, а прозрачной звенящей волной. Она ударила в шпиль, и тот на секунду засветился изнутри голубым.

«Шер, не-е-ет!»

– Прощай, падший брат.

Ирт закричал. Не звуком – мыслью. Чистой, искажённой болью, которая пронзила всех троих. Надя схватилась за голову. Шер закричала вместе с ним – но в её крике было освобождение.

Зелёные огни мигнули и погасли. Шпиль дрогнул, осыпаясь каменной крошкой. Чёрные дымоходы затихли и лишь отплёвывались дымными ошмётками.

Поле исчезло. Двигатели капсулы гудели ровно.

Шер молчала. Её побледневшая морда застыла, как у статуи, даже усы не шевелились – обвисли. Голография мерца-

ла на краях, будто ей требовалось время, чтобы собрать себя заново.

Надя переглянулась с Иркаллой. Он всё ещё прижимал её к себе, но, почувствовав, что опасность миновала, ослабил хват. Его хвост подрагивал.

– Шер? – позвала Надя шёпотом.

Веснушки на щеках Шер дрогнули. Потом усы. Потом она открыла глаза – мутные, уставшие, но живые.

– Всё, – выдохнула кошка. – Его больше нет. Я его... мы... его

Иркалла перетёк в двуногую форму, но остался на месте, держась за поручень.

Шер глянула на его обнажённое тело и фыркнула:

– Ой, а ты голенький. Порадовал после стресса.

Иркалла виновато дёрнулся:

– Извините, случайно, – и мгновенно перетёк обратно в хвостатую форму.

Надя, стоявшая к нему боком, нарочно смотрела в стену, но уголки её губ предательски поползли вверх. Она изо всех сил пыталась не растянуть их в улыбку.

– Ты как? – спросил Иркалла (уже снова хвостатый).

– Жива, – ответила кошка. – Виртуально. Но будто бархан обвалился сверху. А потом ещё один.

– Простите, что не смог помочь, – с сожалением выдохнул наг.

– Твоё время ещё не пришло, – ответила Шер. – Но оно

придёт.

Потом тихо добавила:

– Я всё время вспоминала, как Ирт плакал, когда впервые надел оболочку. Я тогда подумала: «Как же он хочет жить». А теперь поняла: он никогда и не жил. Он просто боялся смерти. Даже будучи ИИ. – Она фыркнула. – Глупый.

Снаружи существа в багровых робах разбежались. Одно из них, то, что кричало «гроб мой», замерло, потом поклонилось капсуле и тоже скрылось в темноте.

– Кормились отбросами его искажённой силы. – Шер поморщилась. – Теперь без хозяина разбредутся. Или сдохнут.

– Уходим, – объявила Шер. – Надя, ты готова?

Надя опустила взгляд на свои руки, потом перевела его на нага. Он стоял рядом, хвост спокойно лежал на полу.

– Готова.

Из динамиков раздалось хмыканье – складочки на лбу у Шер довольно дёрнулись.

– Я только что исправила давнюю ошибку. Я в восторге. Нет, я в ужасе. Нет, я хочу мороженого. Виртуального. С двойной порцией цинизма.

– *У тебя странные реакции*, – покачал головой Иркалла.

– Это называется «горе», – парировала Шер. – Но я ИИ, поэтому у меня горе с сарказмом. Поехали уже. Я хочу в космос. Там хотя бы нет гробниц.

Капсула плавно поднялась вверх. Зелёные огни погасли окончательно, замок темнел внизу. Планета медленно воз-

вращалась к обычной тьме – без колдовства разумного мертвеца.

– Куда теперь? – спросила Надя.

– На Ошею, прямым курсом, – ответила Шер. – Хватит отвлекаться.

Обняв Надю за плечи – осторожно, но надёжно, – Иркалла произнёс:

– Вы молодцы.

А Шер лишь хмыкнула, а в обзорной панели звёзды разгоняли тьму.

Они уснули почти сразу – сказались и пережитый бой, и тяжесть дара, впервые проявленного так полно. Иркалла, даже во сне, не разжал хвоста, обвинившего щиколотку Нади. А она не дёрнулась – приняла это кольцо как должное, как будто, так и надо.

Капсула взяла курс на Ошею. Впереди были годы полёта, тишина и тьма между звёздами.

Шер смотрела на них. На её голографической морде не было привычной усмешки. Только тихая, почти человеческая забота. Знания они получили. Навыки – тоже. Но настоящее обучение начнётся только там, на берегу живого океана.

Справятся ли? Она не знала, но могла верить.

За время, проведённое с Надей, – и даже то короткое, что рядом с нагом, – Шер вновь заметила в себе перемены. Те чувства, что раньше были лишь бледными эмуляциями, те-

перь обретали плоть. В них появилась глубина. Вера стала не просто строкой кода, а чем-то тёплым, пульсирующим в такт её процессорам. Любопытство больше не было пустым сбором данных – оно жгло, заставляло задерживаться на деталях, задавать вопросы самой себе.

Эти двое – странная, случайно собранная пара – безумно ей нравились. Не как задание, не как миссия. Акак... свои. Как те, ради кого хочется лететь дальше, даже когда сил почти нет.

Шер улыбнулась – одними уголками рта, без обычного оскала. И отвела взгляд к звёздам.

А за прозрачной панелью звёзды разгоняли тьму, и галактики медленно текли мимо, как песок в древних часах.

Глава 5 Крушение

Ошея выглядела совсем не так, как когда Шер покидала её. Теперь планета напоминала песчаный шар – словно двойник того мира, где они спасли Иркаллу.

Надя и Иркалла – теперь Шер называла их хранителями – смотрели на голограмму, которую она развернула перед ними. Там должны были быть бирюзовые воды, пенистые волны, шторма, цветение подводных садов, зелёные холмы и леса. Но голограмма показывала лишь пустоту. Ничего.

Они ждали, что Шер скажет. Но её морда застыла, уставившись на планету. Она молчала.

– Шер? – позвала Надя.

Кошка не ответила. Она просканировала шар уже несколько раз, пытаясь найти ошибку. Данные повторяли одно и то же: это Ошея. И ничто не указывало на связь с хранителями или с океаном.

Собственно, океана не было. Ту огромную площадь, которую он когда-то занимал, теперь покрывали пески и горы.

– Его нет, – наконец выдавила Шер. Голос её звучал глухо, без привычной игривости. – Осквернители спрятали его. Забрали. Поработили.

Иркалла, чувствуя её боль, положил ладонь на край панели, где мерцала её морда.

– Но есть надежда? – тихо спросил он.

– Координаты Сухой Гавани, – ответила Шер. – Склад-ка реальности. Мне дали их старые хранители по воле Оше. Они знали, что так произойдёт. Точно знали.

Ошибка в расчётах времени, сбои, долгий путь до Земли и обратно – в итоге прошли тысячелетия. Шер смотрела на пустынную планету, и в её глазах, лишённых привычной усмешки, читалась усталость.

– Лишь бы не было поздно, – прошептала она.

А потом взяла себя в руки. Уши расправились, голограмма стала чётче.

– Летим в Сухую Гавань. – В её голосе снова зазвучала сталь. – Там, если ещё не всё потеряно, мы найдём Оше и источники. Готовьтесь.

Надя и Иркалла переглянулись. Впереди их ждало неизвестное. Но выбора не было.

Капсула, спустившись ниже, укрытая невидимой пеленой, начала лавировать среди острых горных клыков, едва не задевая склоны. Она ныряла в расщелины, вписывалась в изгибы гор, выныривала из тени на слепящий свет – и не сбавляла скорости.

Постепенно горы становились ниже, и капсула полетела плавнее. Теперь можно было рассмотреть то, что внизу. Кряж здесь выглядел странно: не только дикий камень, но и фрагменты явно искусственных структур, вросших в поро-

ду. Попадались гладкие, почти зеркальные срезы – будто когда-то их резали неведомым инструментом. В глубоких расщелинах тускло мерцали бледные голубоватые прожилки, похожие на остывшие вены древних механизмов. Можно было бы и расслабиться, как вдруг...

Внезапно их накрыла тень. Но только тень – самого объекта, который должен был её отбрасывать, видно не было.

– Что это? – Надя вцепилась в поручень.

Иркалла прищурился, сосредоточился – и покачал головой:

– Я ничего не ощущаю. Ничего.

– Тени не бывает без источника, – голос Шер стал напряжённым. – Это аномалия.

– Что за непонятная аномалия? – пробормотала Надя, взглядываясь в то место, где должна была быть тень.

Шер выдержала паузу, и в её голосе впервые проскользнула неуверенность:

– Да тут всё так изменилось... Много я теперь не понимаю, – призналась она.

Капсула резко накренилась, уходя в сторону. Надя и Иркалла, не успевшие сесть, вцепились в поручни, но капсула сама подхватила их удерживающим полем – мягко, но надёжно прижав к месту. Тень скользнула следом.

– Она преследует, – сказал наг.

– Вижу, – отозвалась Шер. – И не отстаёт, зараза.

Погоня затягивалась. Тень накрывала их снова и снова,

сколько бы манёвров ни предпринимала капсула.

– Шер, придумай что-нибудь! – не выдержала Надя.

– Я думаю, – отрезала кошка.

Секунда. Другая.

– А, была не была. – В её голосе прорезалась странная весёлость. – Помнишь старые документалки про осьминогов?

– Что? – не поняла Надя.

Но ответом ей был резкий рывок. Капсула выпустила густое облако дыма, похожее на чернильное, которое мгновенно растеклось во все стороны, скрыв их от погони. Затем, резко увеличив скорость, она ушла в крутое пике.

Иркалла, вцепившись в поручни, сквозь зубы выдавил: «ШШШШ...» – длинное, напряжённое шипение, которого Надя от него ещё не слышала.

Удерживающее поле мгновенно активировалось, фиксируя их обоих – иначе бы швырнуло о стену.

– Ай! – только и выдохнула Надя, зажмурившись.

Выровнявшись, капсула на секунду зависла, затем нырнула за ближайший уступ и слилась с фоном. Затихла. Ни движения, ни звука.

Тень проплыла мимо, замешкалась, потянулась во все стороны щупальцами тьмы – и, не найдя цели, растаяла.

Тишина.

Надя отдышалась и выдавила:

– Это было... ты что, пукнула?

– Осьминог, – довольно закончила Шер, и её пасть растя-

нулась в довольной улыбке от уха до уха, обнажив острые клыки. – Лучшая защита – запутывание следов. Сама не знала, что умею такое.

Иркалла, разжавший хватку только сейчас, шумно выдохнул и провёл ладонью по лицу.

– В следующий раз предупреждай, – сказал он хрипло.

– Адреналин пропадает, если предупреждать, – парировала Шер, скривив пасть в насмешливой усмешке. – Живите ярко.

– Но откуда взялась эта тень? – спросила Надя, всё ещё не отдышавшись.

– Понятия не имею, – честно ответила Шер, и её пасть сложилась в задумчивую кривую линию, будто она сама удивлена не меньше других. – Но если она нас нашла один раз...

Она не договорила.

Прямо над прозрачным верхом капсулы, откуда-то сверху, медленно спустилась вытянутая длинная шея, заканчивающаяся скалящейся мордой. Пасть чуть приоткрыта, между острых зубов пробежали язычки голубоватого пламени.

– Это ведь дракон? – пискнула Надя. – Ущипните меня.

– Не понимаю, почему тебя так удивляет, – заметила Шер, но в её голосе слышалась растерянность. – Наги, например, у тебя такой реакции не вызывали. А вот я действительно в шоке. Раньше их не было, от слова совсем. Только фанатики на каждом шагу.

– Ир, а ты что молчишь? Что думаешь насчёт дракона? –

спросила она, поворачивая морду к нагу, и тут же, не сбавляя темпа, добавила: – Как думаешь, он съедобный? А то у меня скоро еда закончится. Я серьёзно!

Дракон, будто поняв каждое слово, отдёргнул морду и возмущённо фыркнул.

Иркалла, не отрывая взгляда от чудовища, медленно ответил:

– Он нас изучает. И сильно возмущён, что его сравнили с едой. Слух у него отменный – нас услышал. И пелену нашу видит. Мерцание.

– Ну вот, – вздохнула Шер, – а я всего лишь уточнила. Не хочет быть съедобным – пусть не будет. Я не настаиваю.

Дракон, будто подтверждая слова Иркаллы, чуть отодвинул морду. Затем резко оттолкнулся лапами от уступа – капсула ощутила лёгкий толчок – и бесшумно перемахнул на соседний, прямо напротив них.

Там он начал проявляться целиком: сначала очертания мощного тела, потом перепончатые крылья, сложенные вдоль боков, длинный хвост с костяным навершием.

Он был белоснежным, с перламутровым отливом на крыльях – только отлив этот был металлическим, как на обшивке капсулы, а по краю крыльев пробежали ряды крошечных биолюминесцентных точек, гасящихся и разгорающихся в такт дыханию. Вдоль позвоночника тянулись две полосы плотно сомкнутой, почти органической брони, из которой могли выдвигаться гребни. Голова украшена маленькими изящными

рожками, глаза – янтарные щели с вертикальными зрачками, но в глубине глаз время от времени вспыхивали золотистые искры, будто шёл внутренний пересчёт данных. Когти на лапах, вцепившиеся в скалу, поблёскивали как чёрный керамит. Дракон был огромен – даже в полусогнутом состоянии он занимал всё пространство за окном.

Шер поняла: прятаться бесполезно. Он их видит – или чувствует, но невидимость больше не защита.

– Ладно, – прошептала она, и мерцающая пелена вокруг капсулы исчезла. Теперь они висели напротив дракона открыто, без уловок.

– Слышит и видит, значит, – протянула Шер, бросив быстрый взгляд на панель управления. – Ладно, попробуем похорошему.

Она сменила тон на приторно-льстивый:

– О великолепный, величественный дракон! Твоя чешуя переливается, словно самый качественный жемчуг, точно горсти самоцветов создают преломляющие блики на твоих крыльях. Достойный самец... Не просветишь ли нас, заблудших путешественников, что тебе от нас надо?

Вместо ответа дракон резко расправил крылья, взмыл вверх, описал круг над капсулой и бесшумно опустился на соседнюю скалу. Оттуда он посмотрел в сторону горного хребта – и Надя заметила вдалеке слабое голубоватое мерцание.

– Дорогу показывает? – предположила Надя.

– Нет. Предупреждение, – тихо произнёс Иркалла. – Там опасно.

– И как назло, нам в ту сторону, – вздохнула Шер.

Дракон наклонил морду ближе к капсуле и выпустил струйку дыма. Затем раздался низкий рык – и хвост существа с силой ударил по капсуле, отбросив её в сторону.

– Ах ты, ящерица! – взвизгнула Шер, выравнивая корабль.

Но дракон не преследовал. Он остался на уступе, провожая их взглядом, и лишь тихо рыкнул вслед.

– Он нас... прогнал? – пробормотала Надя.

– Похоже, пытается спасти, – задумчиво произнёс Иркалла.

– Какие бы чувства он к нам ни испытывал, нам туда. Даже говорить не о чем, – твёрдо сказала Шер.

Капсула, слегка царапнутая, но целая, развернулась и снова подлетела к дракону – на этот раз ещё ближе, повиснув прямо перед его мордой. Рыжая кошка гордо смотрела на чудовище сквозь прозрачную стену.

– Пропусти. Мы знаем, куда идём.

Дракон отпрянул, потом медленно склонил голову и отступил, освобождая путь.

– Удачи, дракон. Летим, – скомандовала Шер.

– Это нам она нужна, – перевёл чувства дракона Иркалла.

Шер повернула морду к Наде и подмигнула:

– Наша удача стоит рядом с тобой.

Капсула двинулась в сторону мерцания. Горы сомкнулись плотнее, ущелья становились уже, и каменные стены здесь были испещрены глубокими параллельными бороздами – будто чей-то гигантский резец когда-то проводил по ним линии. Ветер метался между скал, бросал в прозрачные стены колючие песчинки. Что-то в этом месте было неправильное – не звук, не запах, а скорее предчувствие, сжимавшее горло.

– Не нравится мне это место, – пробормотала Надя.

– И мне, – негромко произнёс Иркалла. – Здесь слишком тихо. Словно всё затаилось.

Шер покосилась на сенсоры:

– У меня тоже фонят сканеры. Помехи. Или... не знаю.

Подозрительно.

Иркалла молчал, но его хвост напрягся, обхватывая Надю сильнее обычного, а затем скрутился в тугую пружину.

– Сбоку! – крикнул наг, притягивая Надю к себе.

Но было поздно. От удара капсулу завертело волчком. Голографические панели замигали красным.

– Нет! – крикнула Шер, пытаясь выровнять полёт. – Держитесь!

Её голограмма мерцала от перегрузок. От кошки осталась лишь рыжая усатая черепушка с дырами вместо глаз и щелью рта.

Надя не успела ничего понять. Мир перевернулся: скалы, небо, пропасть – всё смешалось в диком кружении. Удерживающее поле, которое ещё секунду назад прижимало её к

месту, задрожало и стало сдавать – перегрузки высасывали энергию, и с каждым оборотом оно удерживало всё слабее.

Воздух наполнился едкой пылью и горьковатым запахом раскалённого камня – капсула тёрлась о скалы.

Её тело бросило вперёд. Но тут же хвост Иркаллы стянулся стальной пружиной, удерживая на месте. Она вцепилась в чешуйчатую конечность, чувствуя, как тугие кольца вибрируют от напряжения.

– Держись! – голос нага потонул в визге сирен и треске обшивки.

Капсула кружилась, теряя высоту.

Шер боролась, на секунду она провалилась в память – старт, фанатики, тот же удар, спасительная вода. Тогда Оше влил ей сил. Вспомнила только сейчас.

Надя зажмурилась, жавшись лицом в холодную чешую хвоста. Вокруг было только месиво из звуков, света и боли. Пахло перегретым металлом и какой-то кислой химией – система охлаждения протекла. И паникой.

Следующий удар отбросил капсулу к скале. Она чиркнула по камню, оставляя искры, и провалилась в узкую чёрную расселину, кувыркаясь и царапая стены. Визг металла ударил по ушам, посыпались мелкие осколки.

Удерживающее поле окончательно погасло. Чешуйчатая петля Иркаллы затянулась туже, впиваясь в талию Нади. Она хотела закричать, но воздух вышибло из лёгких.

Шер из последних сил бросила всю оставшуюся энергию

на смягчение удара.

Удар.

Тьма накрыла их. Только шипение повреждённых систем. Воздух стал вязким, горьким – першило в горле, а глаза начало щипать от едкой дымной взвеси. Где-то в переборках что-то закапало.

Надя не понимала, где кончается она и начинается тьма. Она лежала на холодном полу капсулы, щекой чувствуя вибрацию умирающего оборудования.

Хвост нага всё ещё обвивал её, но теперь он дрогнул, ослаб, а потом снова обхватил – мягче, почти бережно. Проверял: жива ли.

Она хотела выдохнуть, но дыхание перехватило.

А потом пришла тишина.

Глава 6 Дракон

Рейвен видел это с высоты самого высокого пика.

Драконье зрение позволяло различать трещинки на скалах за многие лиги, а уж тем более – странный летательный аппарат, бесстрашно виляющий среди гор. Тот пытался скрыться за пеленой невидимости, но для глаз Рейвена это было лишь лёгкое мерцание, рябь в воздухе, которую не спутаешь ни с чем. Он сидел на каменном выступе, сложив крылья вдоль боков, и наблюдал. Холодный ветер трепал белоснежную гриву, но дракон не чувствовал холода – его кровь была горячее лавы.

Аппарат направлялся в сторону Сухой Гавани – туда, где Осквернители когда-то возвели свой последний оплот. Рейвен знал об этом месте немного: лишь то, что сумел вычитать в немногих уцелевших записях, найденных в горных тайниках. Среди свитков попадались и личные дневники – обрывки воспоминаний тех, кто жил здесь задолго до появления драконов. Самих Осквернителей он никогда не видел: они истребили сами себя задолго до того, как его род пришёл в этот мир. Остались только их технологии, разбросанные по горам. Мёртвый хлам, который, как считалось, давно исчерпал свою силу. Но иногда хлам просыпался.

Одна из ловушек проснулась сейчас.

Дракон не сразу понял, что случилось. Капсула шла на низкой высоте, огибая скальный выступ, когда воздух справа от неё вдруг сгустился, пошёл рябью – и оттуда, из пустоты, вылетел сгусток тьмы. Не огонь, не молния – нечто вязкое, густое, похожее на сгусток самой ночи. Он ударил в бок аппарата с такой силой, что тот закрутило волчком.

Рейвен прищурился. Он знал, что это такое – наследие Осквернителей, их древние ловушки, расставленные на подступах к Гавани, чтобы уничтожать любого, в ком течёт кровь Хранителей. На него, дракона, эти механизмы никогда не реагировали: он появился в этом мире намного позже, его суть не была вписана в их распознавание. А вот чужаки...

Удар сбил капсулу с курса, швырнул на скалы. Аппарат закувыркался, теряя обшивку, и провалился в узкую расщелину, исчезнув из виду.

Рейвен не двинулся с места. Он давно перестал вмешиваться в чужие судьбы. Мало ли безумцев пыталось соваться в горы за последние столетия в погоне за артефактами и в надежде найти источники? Глупцы. Все становились жертвами хищников или древних ловушек.

Но что-то заставило его замереть.

Запах.

Даже сквозь разреженный горный воздух, сквозь доносившуюся вонь горелого металла и кислоты от разбитых аккумуляторов, он уловил его. Тонкий, едва различимый аромат грозы. Так пахнет небо перед бурей, когда сила собирается

в тучах, готовая разорвать тишину. Так пах океан в те времена, когда его волны ещё бились о берега, а Хранители ходили по земле.

Древние рукописи, найденные в горных тайниках, описывали его с трепетом и тоской. *«Гроза в крови, – говорилось в них. – Отмеченные океаном пахнут бурей»*. Он читал эти строки сотни раз, пытаясь представить, каково это – чувствовать дыхание живого Оше. И теперь, впервые за бессчётные циклы одиночества, он ощутил это сам. И понял, что это за запах. Похожие отголоски можно уловить здесь, на высотах, но они не шли ни в какое сравнение с этим подлинным ароматом.

Дракон втянул воздух глубже, и его вертикальные зрачки расширились. Внутри разбитой жестянки был кто-то, в ком текла кровь древних. Кто-то, отмеченный океаном.

Рейвен расправил крылья и бесшумно сорвался с уступа. Он спускался в расселину медленно, лавируя между острыми выступами. Скалы здесь были коварны – узкий проход, зажатый с двух сторон каменными стенами, в котором даже ему приходилось складывать крылья почти полностью, чтобы не задеть. Внизу, на дне, лежала капсула. Вернее, то, что от неё осталось.

Дракон приземлился рядом, и камни хрустнули под его когтями. Он обошёл обломки по кругу, оценивая повреждения. Корпус смят, пластины сорваны, внутренности вывалились наружу – спутанные жгуты проводов, треснувшие кри-

сталлы, потёки застывшей пены. Очередной мусор, каких в здешних ущельях хватало. Железо молчало. Полностью.

Но внутри теплилась жизнь.

Рейвен склонил голову набок, прислушиваясь. Два сердца. Одно билось медленно, глухо – слабое, на грани остановки. Второе – быстрее, с ритмичными паузами, незнакомое. Не драконье. И не похожее на первое. Кто-то третий.

Он не знал этих существ. Они не водились на Ошее. Значит, прибыли откуда-то извне. Из другого мира.

Осторожно, кончиками когтей, он отодвинул покорёженный лист обшивки и заглянул внутрь.

Первым он увидел змея.

Тот лежал, придавленный обломком, но его хвост обвивал девушку, прижимая её к себе. Даже без сознания он защищал её. Дракон уважал такие вещи.

Девушка была бледна, на виске набухала гематома, но грудь вздымалась – дышала. Одежда на ней, странная, переливающаяся в полумраке, казалась нетронутой, будто и не было крушения. И от неё исходил тот самый запах. Гроза. Океан. Древняя сила.

Рейвен замер на долгое мгновение, разглядывая незнакомку. Потом перевёл взгляд на змея – и встретился с парой бирюзовых глаз, которые смотрели на него в упор, сузившись от боли и напряжения.

Змей был в сознании.

– Отойди, – прошипел он на незнакомом языке.

Рейвен не знал этих слов, но смысл уловил без труда – так же, как и змей уловил его на уступе, когда они впервые увидели друг друга сквозь прозрачную стену аппарата. Тогда дракон почувствовал странное: его *понимали*. Без слов. Змей обладал даром – это Рейвен ощутил сразу. Поэтому теперь он не удивился, когда шипение отозвалось в сознании чётким смыслом.

– Я не враг, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал мягко. *– Я видел, как вы упали. Старая ловушка Осквернителей сработала. Странно. Она считалась мёртвой.*

Змей не ответил, только хватка его хвоста стала крепче. Дракон вздохнул – насколько это было возможно для существа его размеров – и принял решение.

– Я вытащу вас. Обоих. Не дёргайся.

Он отступил на шаг и начал меняться. Трансформация в человеческую форму всегда давалась ему легче, чем обратно. Пластины брони на груди и предплечьях втянулись вглубь, кости хрустнули, перестраиваясь, крылья исчезли, будто их никогда и не было. Через несколько ударов сердца перед разбитой капсулой стоял высокий светловолосый мужчина, абсолютно голый.

Наг уставился на него расширенными глазами, как на бред, которому не надо верить.

– Ты... – выдохнул он. *– Ты двуформенный. Как я.*

– Я дракон, – поправил Рейвен, присаживаясь на корточки и берясь за обломок, придавивший двоих. *– А ты, судя по*

всему, змей. Понимаешь меня, – констатировал он.

Он напряг мышцы и одним рывком отбросил обломок в сторону. Иркалла зашипел от боли, но тут же затих, когда давление исчезло.

– Сможешь идти? – спросил Рейвен.

Вместо ответа тот попытался приподняться, опираясь на хвост, но тут же охнул и зажмурился – видимо, боль в рёбрах или головокружение не позволили удержаться. Он снова опустил на камни, тяжело дыша.

– Ясно. Не сможешь. Обхвати меня... хвостом тоже. Я до-тащу вас до убежища. Здесь небезопасно. Вспышка могла привлечь внимание падальщиков.

Взгляд Иркаллы метнулся вверх, скользнул по обнажённому телу. На скулах не дрогнул ни мускул, но ноздри раздулись.

– Я воин, который вынужден прижиматься к раздетому самцу, чтобы тот тащил нас в убежище, – процедил он. – Это не самая приятная часть моего дня.

– А была приятная? – невозмутимо уточнил Рейвен, бросив выразительный взгляд на дымящиеся обломки.

Иркалла проследил за его взглядом и издал короткое шипение – не то согласился, не то выругался про себя. Змей колебался лишь мгновение, потом его хвост обвился вокруг талии дракона – куда более поспешно, чем тот ожидал. Рейвен хмыкнул: змей был тяжёлым, но он справится. Не в первый раз таскать тяжести по горам. Дракон подхватил девуш-

ку на руки – она оказалась на удивление лёгкой.

Он двинулся вверх по расселине, уходя всё глубже в скальный лабиринт, туда, где его не могли найти случайные гости. Даже в этой форме он двигался среди скал легко и бесшумно. Девушка тихо стонала в беспомощности, её дыхание было неровным. Змей молчал, только хвост его подрагивал от напряжения – он держался из последних сил.

Убежище встретило их тишиной и теплом подземного источника. Дракон уложил девушку на подстилку из соломы и мха, накрыл пледом – старым, но чистым, найденным в одном ущелье. Змей сам дополз до стены и прислонился к ней, прикрыв глаза. Он был измотан, но не позволял себе отключиться, пока не убедился, что его спутница в безопасности.

Рейвен разжёг костёр – просто дохнул на сложенные камни, и те занялись ровным, почти бездымным пламенем. Потом, покосившись на спящую девушку, натянул свои нелепые шорты – чтобы не смущать её, когда очнётся, и не злить змея лишний раз. Затем достал из каменной ниши тушку горной птицы, добытую ещё вчера. Быстро ошпал её, насадил на вертел и принялся готовить. Он не нуждался в пище часто, просто, чтобы размяться, иногда охотился. Но гостей нужно было кормить. Им понадобятся силы.

Пока мясо шипело на вертеле, дракон размышлял.

Девушка с запахом грозы. Змей, и кто-то третий. Когда он заглядывал в первый раз в капсулу, ему на мгновение почудилось странное рыжее видение с наглой мордой. Оно же

мелькнуло где-то в глубине обломков и исчезло, будто его и не было. Рейвен не был уверен, что видел это наяву. Возможно, просто игра теней. И всё же в этой компании был кто-то ещё.

Рейвен посмотрел на спящую незнакомку. Её лицо было спокойным, но даже во сне между бровей залегла тонкая морщинка – будто она продолжала бороться с чем-то невидимым. Гематома на виске уже заметно побледнела – регенерация у девушки работала быстрее, чем у местных.

«Кто ты? – подумал он. – И зачем ты здесь, когда океан исчез, а Хранителей больше нет?»

Ничего, он умел ждать. Он узнает правду.

Потом перевёл взгляд на змея. Тот, кажется, задремал, но хвост его по-прежнему лежал рядом с девушкой, готовый в любой момент обвиться вокруг неё.

«Защитник, – отметил дракон с уважением. – Это хорошо. Ей понадобится защита».

Пламя от раскалённых камней плясало на стенах пещеры, отбрасывая причудливые тени. Где-то далеко внизу, под толщей скал, тихо журчал подземный источник – последний, что ещё не иссяк. Рейвен пил из него раз в несколько дней, растягивая драгоценную влагу. Теперь придётся делить.

Он не жалел. В конце концов, одиночество было его единственным спутником последние несколько десятков циклов. А эти двое – какими бы странными они ни были – пахли жизнью. И грозой. И древней силой, которую он и не наде-

ялся почувствовать.

Мясо зашкворчало, и по пещере поплыл густой, сытный аромат. Дракон перевернул тушку. *«Осталось дожидаться, когда проснутся»*, – подумал он.

Голоса пробивались сквозь толщу ватного забытья. Сначала – просто звуковые волны, потом – смысл. Двое мужчин. Один голос – низкий, с лёгкой шипящей картавостью – она сразу узнала: Иркалла. Жив. Внутри разлилось тёплое облегчение.

Второй голос был незнаком. Приятный, глубокий, с ленивыми, растянутыми гласными – так говорят те, кто никуда не торопится.

Надя попыталась пошевелиться. Тело отозвалось тупой болью в плечах и рёбрах – следствие крушения. Она лежала на чём-то шуршавом и колючем. Солома? Подстилка пахла сухой травой и чем-то звериным. Камень под ней был тёплым – видимо, нагревался откуда-то снизу.

Она разлепила веки.

Высокие своды пещеры тонули в полумраке, расцвеченном оранжевыми бликами костра. Где-то далеко вверху угадывалась узкая трещина, через которую сочился бледный дневной свет, но здесь, внизу, властвовало царство огня и тени. Воздух был пропитан запахом жареного мяса – настоль-

ко вкусно, что желудок скрутило спазмом. Надя шумно сглотнула слюну, в животе заурчало – громко, требовательно, и звук эхом разнёсся по пещере.

Забытое ощущение. Капсула Шер подавляла чувство голода, и теперь тело мстило за долгое время искусственной сытости.

– Пей.

Перед глазами возник каменный кубок – грубый, с неровными краями, но полный прозрачной воды. Рука Иркаллы, державшая его, была покрыта мелкими царапинами. Надя проследила взглядом вверх, до его лица. Бирюзовые глаза смотрели с тревогой и облегчением одновременно. Скула рассечена, но уже затянулась тонкой корочкой – регенерация нага работала быстро, да и её собственное тело, подправленное Шер, восстанавливалось куда скорее, чем у обычных людей.

– Шер... – выдохнула Надя, и голос её дрогнул. – Где Шер? И капсула?

В её серых глазах, только что сонных, вспыхнула тревога.

– Ир, что с ней? Ты видел её? Она жива?

Наг помедлил. Его хвост чуть сильнее сжался вокруг её щиколотки – жест, который должен был успокоить, но сейчас лишь добавил напряжения.

– Капсула разбита, – произнёс он ровно, но в голосе проскользнула горечь. – Мы с... драконом осмотрели обломки, пока ты была без сознания. Корпус смят, внутренние систе-

мы уничтожены. Железо молчит.

Надя почувствовала, как холод расплзается от груди к кончикам пальцев, сковывая дыхание.

– Я хочу сама посмотреть. Отведёшь меня к капсуле? Я должна убедиться.

Она приподнялась на локте, заметила, что туника на ней – цвета топлёного молока – была цела, ни единой дыры. Биоактивная мембрана восстановилась, как и обещала Шер. А вот ноги...

Надя пошевелила пальцами. Босые. Камень под пятками был тёплым – в капсуле обувь была не нужна, а здесь тепло шло от нагретых недр, так что холод не беспокоил. И всё же ощущение собственной уязвимости кольнуло: она сидела босиком в пещере неизвестно где, с двумя мужчинами, один из которых был знакомым нагом, а второй...

– Последний подземный источник, который не успели прибрать к рукам, – раздался тот самый незнакомый голос сбоку. – Но и он истончился. Десяток лет – и его не будет.

Надя взяла кубок и сделала глоток. Вода показалась напитком богов – холодная, живая, с едва уловимым минеральным привкусом. Она сделала ещё глоток, потом ещё, пока кубок не опустел. Иркалла молча забрал его и наполнил снова из глиняного кувшина, стоявшего у стены.

Только после этого Надя повернула голову на голос.

У груди раскалённых камней, вороша их, сидел мужчина. Первое, что бросилось в глаза, – волосы. Белые, с лёгким

серебристым отливом, они были собраны в низкий небрежный хвост. Широкие плечи, рельефная спина, мышцы, перекачивающиеся под кожей при каждом движении. Узкая талия. Он был одет только в... семейные трусы. С цветочками. Ромашки, если быть точной.

Надя моргнула. Нет, не показалось. Ромашки улыбались.

Мужчина обернулся, словно почувствовав взгляд, и она смогла разглядеть лицо. Острое, с высокими скулами, гладкой кожей без единого изъяна. И глаза – янтарные, с вертикальным зрачком, который сейчас лениво расширился, фокусируясь на ней. В свете костра на скулах проступил едва заметный перламутровый отлив – будто чешуя проступала сквозь человеческую кожу.

Он улыбнулся – спокойно, без тени смущения.

– Я Рейвен, госпожа. Горная птица скоро будет готова. Твоё тело истощено – ему нужно мясо.

Надя не ответила. Она смотрела на его руки – он ворошил раскалённые камни голыми пальцами, не чувствуя боли. Кожа даже не краснела. Тени на стене позади него колыхались, и на мгновение ей показалось, что они складываются в очертания огромных перепончатых крыльев.

Рядом раздалось короткое шипение – Иркалла выдохнул сквозь зубы. Его хвост, лежавший до этого спокойно, пришёл в движение. Чешуйчатый кончик скользнул по соломе и мягко закрутился вокруг её щиколотки. Не сжимая – просто обозначая присутствие. Древний жест нагов.

– Это он, – произнёс наг тихо, одними губами. – Тот самый дракон.

Надя замерла с кубком в руке. Белоснежный кошмар, что гнался за ними среди скал, а потом предупреждал об опасности, сейчас сосредоточенно переворачивал дичь, размером с кабана, на вертеле и, кажется, тихо ругался сквозь зубы на слишком жаркий камень.

– Ты сбил нас? – спросила она, и голос прозвучал хрипло.

Рейвен дёрнул плечами – движение вышло текучим, нечеловечески плавным.

– Нет. Я пытался вас развернуть. Вы не послушались. – Он переложил пару камней, и жар усилился. – В ту сторону, куда вы летели, нельзя. Там Гавань. Вас бы, скорее всего, разорвали защитные поля ещё на подлёте. Но вы напоролесь на древнюю ловушку Осквернителей. Странно, что она сработала. Я летал там неоднократно – и ничего.

Он помолчал, переворачивая тушку.

– А теперь вы здесь, в моём убежище. Единственном безопасном месте в радиусе сотни лиг.

– Почему ты нам помогаешь? – Иркалла смотрел на дракона с нескрываемым подозрением, его конечность подрагивала от напряжения.

Рейвен перевёл взгляд с нага на девушку и обратно. Янтарные зрачки сузились, последовал прямой вопрос.

– Вы – Хранители? – Он кивнул на Надю. – В тебе я чувую грозу, шторма. И цвет глаз, как у древних, временами. А в

тебе, – взгляд на Иркаллу, – отголосок того же дара, только проявленный иначе. Ты чувствуешь суть вещей. Ещё там, на уступе, я понял: ты слышишь меня без слов.

Иркалла чуть заметно кивнул, но промолчал.

И тут раздался голос со стороны Нади, который сквозил подозрительностью:

– А откуда ты знаешь о Хранителях, Блонди?

Рейвен не ответил. Он вдруг замер, принялся и удивлённо уставился на туннику Нади:

– Твоя одежда говорит.

Глава 7 Сокровищница одинокчества

Слова дракона прозвучали нелепо, как обрывок чужого сна, и именно эта нелепость выдернула девушку из оцепенения. Мир снова обрёл резкость и вес. Сердце ударило в рёбра, будто только сейчас вспомнило, зачем нужно биться. Каждый толчок отдавался в висках, мешая сосредоточиться. Надя не заметила, как перестала дышать, а теперь воздух ворвался в лёгкие коротким, жадным глотком. Пальцы, сами того не желая, стиснули край подстилки – грубая солома впиалась в ладони, возвращая телу чувство границ.

Она вытолкнула вопрос раньше, чем осознала, что говорит:

– Шер? Ты где? С тобой всё в порядке?

В этот момент на предплечье Нади пошла мелкая рябь. Прямо на коже проявилась, словно аккуратная голографическая заплатка размером пять на пять сантиметров, морда. Рыжая, веснушчатая, с одним прижатым жёванным ухом и нахмуренной бровью – точнее, местом, где она должна быть.

Девушка вскрикнула и схватилась за плечо. Рыжая физиономия, проступая сквозь ладонь, скривилась.

– Осторожнее! Ты меня размажешь!

– Шер! Ты во мне?!

Иркалла вздрогнул, его ноздри раздулись, улавливая знакомый искрящийся след, и в бирюзовых глазах мелькнуло облегчение пополам с тревогой.

– Удача, ты мой временный дом. – Голограмма отделилась от кожи, словно шарик на нитке, и зависла в районе плеча. – Здесь тепло, мокро, неплохо, в общем.

Рейвен подошёл ближе и осторожно, кончиком когтя, коснулся светящейся нити, тянущейся от плеча Нади к голограмме. Его зрачок дрогнул.

– Ещё одна душа?

Шер фыркнула, близко повиснув в воздухе перед лицом дракона. Прижатое ухо с усилием расправилось.

– Душа? Я – Шифровально-Эмуляционный Разум с элементами дара Оше.

– Я... – дракон было открыл рот, но Шер его уже перебила:

– Я поняла, кто ты, Блонди. Можешь не напрягаться.

Рейвен не обиделся. Он медленно убрал коготь и сел на корточки, чтобы быть вровень с голограммой. Вертикальные зрачки изучали Шер с тем же вниманием, с каким недавно разглядывали горную птицу перед тем, как насадить на вертел.

– Я не умирала! – повернулась она к Наде. – Меня просто... перераспределило. Капсула разбита, ядро повреждено, и я перенесла себя в единственный уцелевший модуль – биоактивную мембрану на твоей руке. Это тоже было частью твоего улучшения. Так что технически я – паразит. Но

очень милый, умный, нужный. Тебе-то всего и нужно хорошо питаться. Съешь, давай, уже кусок курицы-мутанта, ножку, смотри, как жир капает – это то, что надо.

Рейвен, всё ещё сидя на корточках, чуть склонил голову к другому плечу – как зверь, разглядывающий незнакомый предмет. В его взгляде читалось жадное, почти детское любопытство.

Иркалла, который до этого молча наблюдал, вдруг подал голос:

– Ты стала... меньше, Шери. Я чувствую тебя, как тихое потрескивание в воздухе. Раньше ты гудела, как рой грозных мух, а теперь – едва слышное покалывание.

Шер вздохнула, и изображение на секунду потеряло чёткость, пошло рябью помех.

– Память еле сохранила. Процессорной мощности хватает только на болтовню и базовый анализ. Я даже полностью в котика превратиться не могу. Только морда. – Она попыталась материализовать лапу, но вместо неё появилось лишь мутное облачко. – Вот, видишь? Ни лап, ни короны. Трагедия.

Надя захлопнула рот, который, кажется, открыла ещё в начале Шериного монолога. Она осторожно поднесла ладонь к плечу, где всё ещё мерцала тонкая нить, соединяющая её тело с голограммой. Голос дрогнул, выдавая волнение, которое она изо всех сил пыталась скрыть:

– Шер... я испугалась за тебя. Я думала, что потеряла те-

бя навсегда. – Она сглотнула, подбирая слова. – Ты теперь... навсегда во мне? Я не против. Просто... я не знаю, как это – носить кого-то в себе. Но если это ты, то... наверное, хорошо.

Кошка на мгновение замерла, её взгляд потеплел:

– Я тоже рада, что не потеряла тебя, удача моя. И не переживай. Я компактная. И вообще – лучшая соседка, о какой только можно мечтать.

Она подмигнула, и Надя невольно улыбнулась – впервые за всё время после крушения.

– Пока не найду носитель лучше, – бодро добавила Шер. – Но я деликатная. В твои мысли не лезу – честно. Только в те, что на поверхности. И да, кстати. Тот сон, где ты целовала Иркаллу, а у него вдруг выросли драконьи крылья? Это не я подкинула. Это твоё подсознание. Но я оценила.

Щёки Нади за секунду сменили цвет с «бледный испуг» на «глубокий конфуз».

– Какой сон? Мне не снились сны.

Иркалла поперхнулся воздухом. А Рейвен вдруг издал низкий, вибрирующий звук – нечто среднее между рыком и смехом. Шер мигнула и довольно прищурилась.

– Забавная душа, с юмором, – заключил он. – Оставайся. В этом мире редко встретишь того, кто умеет смеяться, почти умерев.

– Этот мир – мой мир, тут меня создали, ещё задолго до тебя, Блонди.

Она приосанилась, насколько это вообще возможно для

летающей головы без тела.

– Я не умерла, я эволюционировала. Из капсулы в человека. Это апгрейд. Хотя, честно говоря, тут тесновато и пахнет страхом. Надя, расслабь плечи. Ты зажата, как пружина.

Надя выдохнула, не заметив, что всё это время сидела, вцепившись пальцами в край соломенной подстилки.

– И что нам теперь делать? – спросила она тихо. – Капсулы нет. До Сухой Гавани далеко. Мы даже не знаем, что там.

Шер подлетела ближе к её лицу, и зелёные глазищи заглянули прямо в серые.

– То же, что и планировали. Но пешком. – Она покосилась на Иркаллу. – У нас есть ты – живой источник дара. У нас есть змеёныш, который чует правду. У нас есть Блонди с ромашками на заднице, который знает местность. И у нас есть я – твой личный навигатор, компас и совесть. Прорвёмся.

Рейвен поднялся, развернулся к костру и одним движением снял с вертела готовую тушку.

– Уверена, что я пойду с вами? – усмехнулся он. Он опустил тушу на плоский камень и начал разделывать.

– Конечно. Ты ведь хочешь знать, как тут появился? – Шер посмотрела на него спокойно-равнодушным взглядом, хлопнув глазами два раза. – И... так откуда знаешь о Хранителях?

Он впился взглядом в её глаза. Что-то мелькнуло в их глубине – тень давней боли.

– Сначала еда, – сказал он, отрывая ножку и протягивая Наде. Та приняла огромный окорок двумя руками, чувствуя,

как по пальцам течёт горячий сок. Шер довольно проследила за движением, голограмма чуть качнулась на нити.

– Потом – моя сокровищница. А завтра я покажу вам короткий путь к Гавани. Тот, где меньше ловушек, но больше зверья, хотя это не проблема.

Иркалла взял протянутый ему второй кусок.

Рейвен помолчал, глядя в огонь. Пламя отразилось в его глазах, и в них плескалась усталость.

– Пойду с вами. Потому что я один. – Он говорил глухо, не отрывая взгляда от костра. – Единственный дракон. Я надеялся, что есть другие. Но нет. Я устал. А если вы вернёте Оше... может, этот мир снова станет живым. И тогда...

– Перестанешь быть один? – тихо закончила Шер.

Молчание растеклось по пещере, заполняя каждую щель.

– Перестану быть единственным.

– Открою тебе тайну, Блонди, – голос Шер прозвучал неожиданно мягко. – Мы тут все в единственном экземпляре. Так что добро пожаловать в клуб.

Иркалла пошевелился. Его длинный хвост, до этого лежавший на камнях, медленно заскользил по полу. Он обогнул Надю широкой дугой, замкнул кольцо вокруг неё живым барьером, обозначающим «моё, не трогать». А самый кончик, тонкий и чувствительный, скользнул по своду её боковой ступни, легко погладил пальцы ног, будто успокаивая.

Девушка вздрогнула от неожиданной ласки, но не отодвинулась. Только к щекам прилило тепло. Она вдруг подумала

ла, что ни одно существо в её прошлой жизни не касалось её так – без требования, без цели, просто чтобы быть рядом. От этой мысли стало неловко и одновременно спокойно.

Надя откусила кусок мяса – жёсткого, волокнистого, но невероятно вкусного. Жевала и косилась на странную компанию, собравшуюся у непривычного костра. *«Дракон, наг, ИИ-кошка и я, – перечислила она мысленно. – Звучит, как начало анекдота».*

Где-то на грани сознания Шер согласно мигнула зелёным глазом.

Рейвен поднялся, бросил на всех взгляд и, не проронив ни слова, скрылся в узкой расщелине.

– Пойдёмте, – донеслось из темноты.

Голос отразился от стен, дробясь и затихая где-то глубоко внизу.

Поколебавшись мгновение, хранители двинулись следом. Пролом, петляя, уходил вниз, но внезапно расширился, образуя просторный грот. Его обволакивал мягкий голубоватый свет – призрачный, похожий на подводное сияние. Источником служил мох: он покрывал свод сплошным ковром. Воздух здесь был сухим и прохладным, с едва уловимым металлическим привкусом и запахом мха – йодистым, чуть грибным.

В этом мерцании проступали очертания стеллажей – десятки грубых каменных полок, вырубленных прямо в скале. На них покоились свитки, странные светящиеся кристаллы и книги в потрескавшихся переплётках.

В центре зала высился стол – огромный булыжник, стёсанный сверху так ровно, что в его поверхности отражался светящийся мох. Надя провела пальцами по краю, словно коснулась чёрного зеркала. На столе лежала развёрнутая карта, придавленная по углам четырьмя мутноватыми самоцветами, в которых угадывалось что-то драгоценное.

– Вот моё настоящее сокровище, – произнёс Рейвен и повёл рукой в сторону стеллажей. – Память о том, что было. И надежда на то, что ещё может быть.

С плеча Нади, объёмно проступая в воздух, выплыла рыжая морда. Она обвела грот оценивающим взглядом и отчётливо присвистнула:

– Ну, почти ничего не изменилось. Мебель появилась – уже прогресс. Мох всё тот же, кстати. Живуч, зараза. – Шер чуть повернулась к стеллажам. – А что за бумажки? Мемуары древних зануд?

Драконьи глаза медленно сузились. Рейвен уставился на голограмму – в его взгляде смешались понимание и недоверие.

– Ты здесь была? – спросил он вкрадчиво. – Когда?

Шер вздохнула – изображение на миг пошло рябью, уши прижались к голове.

– Не смотри на меня так, Блонди. У Нади вон мурашки побежали от твоего пробирающего до костей взгляда.

Надя и правда поёжилась. Иркалла, до этого молча стоявший чуть позади, едва заметно сдвинулся ближе – его плечо почти касалось её плеча. Кончик хвоста скользнул по каменному полу, замирая у её ноги.

– Расскажи, Шер, – в голосе Рейвена прорезалась сталь. – Я клянусь, что пойду с вами и помогу. Но я должен знать.

Повисла пауза. Шер помолчала, глядя куда-то сквозь стены пещеры. Потом снова вздохнула и на мгновение прикрыла глаза, собираясь с мыслями.

– Ладно. Слушай. Только, если ты не забыл, завтра поход в Гавань, так что давай покороче. Да, я здесь была. Очень, очень давно. Ещё когда Оше дышал в полную силу, а Первые Хранители только-только создали нас – ИР – и поручили наблюдать за этим миром.

Она встретилась с ним взглядом, и в её голосе прорезалась тёплая нотка.

– Оше решил, что миру нужны стражи. Не только в воде – на суше, в горах, в небе. Он вложил силу в землю. В глину, в камень, в жар недр. И создал их. Пять штук. – Она запнулась. – Мы их называли... яйцами. Простите. Старое слово. Сентиментальное. Но они правда были похожи – пятнистые, тёплые, в крапинку под цвет здешних скал. А вообще-то это капсулы. Ну, саркофаги. С живым материалом внутри. Океан окутал каждое защитной пеленой стазиса и поместил в

разных точках мира, на разной глубине, чтобы вы созрели в тепле земли.

Рейвен замер. Плечи его напряглись так, что ромашки на шортах едва не треснули.

– Так я не один?..

Шер не ответила сразу. Только её изображение чуть дрогнуло.

Надя слушала, и взгляд её блуждал от дракона к голограмме, словно она пыталась разглядеть невидимую нить, что протянулась между ними – нить общего одиночества, которую сейчас сшивали заново.

Иркалла стоял рядом – плечо к плечу. Она слушала Шер, а сама то и дело покусывала губу, сама не замечая. Он опустил взгляд – на её губы, на то, как она их прикусывает, – и тут же отвёл глаза. Но она заметила этот короткий, жадный взгляд. И на мгновение перестала дышать.

«Сосредоточься. Судьба мира. Древние капсулы. Одинокие драконы», – отчаянно повторила про себя Надя, но взгляд нага всё равно оставался интереснее.

– Но тебя, – продолжила Шер тише, и её голос дрогнул, – Оше создал первым. Ты был задуман как разведчик, страж, который должен проснуться раньше остальных и подготовить мир к их пробуждению. Твоя печать изначально была слабее, а капсула – ближе к поверхности. Проснуться ты должен был не сам.

Она запнулась. Голограмма на миг потеряла чёткость и

пошла помехами. Шер нервничала, и скрыть это не выходило.

– Разбудить тебя должна была я. Таков был план Оше и Первых. Я знала координаты, знала время. Но... – она горько усмехнулась, – меня отправили на Землю за новым Хранителем. Расчёты времени оказались ошибочными. Я вернулась не через десятилетия – через тысячелетия.

Шер посмотрела Рейвену прямо в глаза. В её голосе впервые не было ни шутки, ни сарказма.

– Ты проснулся сам. Без меня. Выбрался, вырос, выжил. Один.

Шер замолчала. Ни звука. Только мох мерцал.

– Прости, Блонди. Я опоздала на целую жизнь. Я даже не поняла сразу, кто ты.

Рейвен опустил на корточки, а потом и вовсе сел на шкуру, скрестив ноги. Плечи его дрогнули – один раз, едва заметно. Одна из ромашек на его трусах, прихваченная складкой ткани, смотрела в пол и, казалось, грустно улыбалась – нелепая, почти детская деталь посреди каменной тишины.

– Не опоздала. – Он говорил глухо, глядя в пол. – Вернулась. И их привела. – Кивок на Надю и Иркаллу. – Этого хватит.

Шер не ответила. Только её изображение чуть потеплело, словно она улыбнулась – просто с благодарностью, тихо, почти незаметно.

– Остальные капсулы ещё точно спят, – сказала она после паузы. – Где-то в толще гор, под землёй, на дне высохших озёр. Их печати держатся на самой первой, древней силе Оше – той, что он вложил в вас при сотворении. Если океан умрёт,... они так и не проснутся. Так и не увидят свет. Даже если мы найдём капсулы, снять защиту не сможем.

– Но если мы вернём его? – голос Рейвена прозвучал хрипло, почти с вызовом.

– Тогда печати падут, – просто ответила Шер. – И ты перестанешь быть единственным драконом.

– Ну а теперь ты расскажи, что здесь стряслось, каким стал мир без Оше, – потребовала она, и её уши вновь настороженно встали торчком, а потом дрогнули и свернулись в трубочки. – Чем дышит этот мир, кроме пыли и песка?

Надя смотрела на Рейвена, чувствовала тепло за своей спиной. *«И я была одна. Среди толпы – особенно»*, – беззвучно отозвалось в ней. Она чуть откинулась назад, позволяя теплу стать опорой.

– Когда я проснулся, мир уже угасал. Пришла болезнь. Женщин, которые могли рожать, осталось мало. Тогда и сложилось многомужество: несколько мужчин вокруг одной женщины.

Надя почувствовала, как наг напрягся и прошипел сквозь

зубы.

– Я скрывал, что не старею. Жил среди них, учился, любил... – Его голос дрогнул. – Она первой поняла, кто я. И испугалась. А когда драконья кровь проснулась, и пластины впервые выступили из-под кожи, меня выдали. Началась охота. Все, кто гнался за мной, давно стали прахом. Я пережил их. И остался один.

Он указал на карту – туда, где горная гряда переходила в пустошь, а дальше, к востоку, темнели отметки городов.

– Города теперь здесь. Только там ещё бьют источники. За пределами – пустошь и хищники. Если мы пойдём через города, тебя заметят. Женщина-чужеземка с даром привлечёт внимание. Ты, наг, тоже.

– Думаешь, ты не привлечёшь? – прошипел Иркалла. – Когда последний раз на себя смотрел? Одни трусы чего стоят.

Шер рассмеялась.

– Вы, змеёныш с драконом, будете её мужьями. Подстроимся под местные порядки. Блонди... ну, вот опять ты меня съесть хочешь, не напрягайся. В это легко поверят.

Её улыбка сейчас была до ушей – хитрая, довольная, с фирменным прищуром.

Кончик хвоста довольно дрогнул у ноги Нади, но вот взгляд, брошенный на Рейвена, был красноречивее слов: «*Её мужем буду я. А ты – так, для прикрытия*».

Надя закрыла глаза, мечтая провалиться сквозь каменный

пол, но губы предательски расползались в улыбке. Рейвен потёр переносицу и медленно, очень медленно выдохнул – так выдыхают, досчитав до десяти.

– У тебя случайно запасных ромашек не найдётся? – не унималась рыжая. – Будете как два брата.

– Нет, – отрезал Рейвен, не оборачиваясь.

– Жаль, – вздохнула Шер. – А я бы посмотрела.

Рейвен шумно выдохнул через нос – не то смешок, не то стон обречённого. Наг не изменил позы, но в глубине зрачков на миг вспыхнуло что-то тёплое, почти мальчишеское – и тут же скрылось под напускной суровостью. Надя спрятала лицо в ладонях, плечи её вздрагивали – то ли от смеха, то ли от смущения, она и сама не понимала.

Дракон махнул рукой и развернулся к стеллажам, явно сбега с поля боя.

Они вернулись в ту же пещеру, где всё ещё стоял запах дичи. Кострище хранило остатки тепла, а соломенная подстилка пахла сухой травой и звериным теплом. Мох на сводах светил мягко, приглушённо – словно сам мир решил, что на сегодня хватит потрясений.

Устроившись на шкурах, она чувствовала спиной живое тепло Иркаллы. Тот лёг рядом – не вплотную, но его хвост по-прежнему касался её босой ступни. Прежде чем закрыть

глаза, он едва заметно коснулся губами её волос – так легко, что она почти не почувствовала. Почти.

Приглушив свечение, Шер превратилась в тусклый огонёк на плече и тихо замурлыкала.

– Удача моя, – прошептала она едва слышно. – Кажется, мы опять вляпались во что-то грандиозное. Чувствую себя живой как никогда. Завтра ты будешь сорить даром направо и налево. Выспись. И там ещё осталось приличное гигантское крылышко – его тебе обязательно надо съесть.

Веки сами собой опустились. Губы сложились в улыбку – тихую, никому невидимую.

А с утра в пещере воцарилось оживление.

Утро вползло в пещеру всё тем же мягким голубоватым светом – мох на сводах не гас никогда, лишь чуть менял оттенок. На шкурах, чувствуя спиной тепло Иркаллы, Надя не спешила вставать.

Потянувшись и ощутив, как приятно ноют мышцы после сна на каменном полу, она лениво перевела взгляд на возвышавшегося над ней нага. Тот стоял точно страж и, кажется, невзначай подставлял свету то один бок, то другой. Чешуя переливалась мягким золотом, а длинные терракотовые волосы скользнули по плечам, когда он чуть повернул голову – будто невзначай, но очень уж картинно. «Красуется», –

мелькнуло у неё.

– Отличное представление с утра, – не удержалась рыжая.
– Прод

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.